

Диминум

По ту сторону выбора

Лана Верге

18+

Лана Верге

Лиминум. По ту сторону выбора

«Автор»

2026

Верге Л.

Лиминум. По ту сторону выбора / Л. Верге — «Автор», 2026

Она хотела обычной жизни: учёба, подруга, дом, где можно просто выдохнуть. Но авария стала точкой невозврата. После неё город изменился или изменилось то, как он смотрит на неё. Чужие знаки появляются там, где их быть не должно. Ночные страхи перестают быть иллюзией. А кто-то из тени утверждает, что Гретти уже принадлежит другому миру. Городское фэнтези о девушке, которая хотела обычной жизни — но стала частью мира, скрытого в тени города. Здесь монстры носят человеческие лица. А сила приходит не как дар — а как расплата.

© Верге Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лана Верге

Лиминум. По ту сторону выбора

Глава 1

ПРОЛОГ

– Я должна уйти, малышка. Ради твоей безопасности, – шепчу я, прижимая её к себе.
– Надеюсь, ты будешь счастлива... и никогда непустишь его в свою голову.– Пошли, – грубо обрывает голос за спиной.
Крепкая рука сжимает моё запястье и тянет назад. Я наклоняюсь к девочке в последний раз.
– Я надеюсь, мы ещё увидимся, – шепчу ей на ухо.
Подбородок предательски дрожит.
Слеза скользит по щеке. Я стираю её свободной рукой – и ухожу в темноту.
За человеком, который отнял у меня всё.

Боль

Она накрыла не сразу.
Сначала – глухо, изнутри, будто где-то глубоко под черепом что-то сдвинулось не на своё место.
А потом – вспышка. Резкая. Ослепляющая.
Так болит, словно в голову медленно, с усилием, вбивают гвозди. Один за другим.
Я пытаюсь вдохнуть – и воздух царапает горло. Лёгкие сжимаются, будто забыли, как это делается.
Пальцы дёргаются сами по себе. Тело есть – но я будто не в нём.
Я осторожно приоткрываю глаза... и тут же жмурюсь.
Слишком светло.
Белизна давит, пульсирует, лезет под веки.
Воспоминания вспыхивают обрывками, несвязно, будто кто-то бросает в меня кадры чужого фильма:
синий цвет – небо? фары?
чьё-то лицо – женщина, рот широко открыт, губы искажены криком...
Я вижу это – но не слышу.
В голове стоит глухая тишина. Как под водой.
Авария.
Осознание приходит не сразу. Оно медленно, тяжело оседает где-то под рёбрами.
Я попала в аварию. Кира.
Я сжимаю губы. Внутри поднимается тёплая, липкая волна сожаления.
Я не хотела с ним ехать.
Помню это слишком ясно.
Я стояла у машины, сжимая ремешок сумки так сильно, что кожа врезалась в ладонь.
Внутри всё сопротивлялось.
Было чувство – тихое, навязчивое, как зуд под кожей, – что это плохая идея. Что нужно развернуться. Уйти. Просто уйти, пока ещё можно.
Я даже сказала ему об этом.
Сказала, что устала.
Что хочу домой. Что, может быть, в другой раз. Но он улыбался. Спокойно. Уверенно.

Говорил, что я накручиваю себя.

Что всё будет нормально.

Что он знает дорогу.

Что «пять минут – и мы на месте».

Говорил мягко, почти ласково. Так, что мои сомнения начали казаться глупыми. Ненужными. Слабостью. Я поддалась.

Когда веришь, что ничего страшного не случится – просто потому, что *не может же*.

Теперь это воспоминание давит сильнее боли в голове.

Оно лежит где-то под рёбрами, тёплое и липкое, не даёт вдохнуть полной грудью.

Я пытаюсь собрать картинку целиком, но мысли расплзаются, как мокрая бумага. Чем сильнее тяну – тем больше она рвётся.

Нужно открыть глаза. Нужно понять, где я.

Я снова поднимаю веки. Медленно. Через боль.

Потолок. Свет, который режет.

Запах – стерильный, холодный, чужой.

Больница. Конечно.

Я пытаюсь повернуть голову – и тут же жалею об этом. В затылке вспыхивает острая боль, будто кто-то резко дёрнул за оголённый нерв. В висках гулко, тяжело отдаётся пульс.

Рука непроизвольно тянется назад – и я тут же одёргиваю её, сдавленно выдыхая. Слишком больно.

Я сглатываю. Во рту сухо, язык будто налит свинцом. Даже это простое движение даётся с усилием.

Мой взгляд медленно скользит по палате.

Капельница. Прозрачная трубка, уходящая прямо в вену.

Монитор, тихо пищавший где-то сбоку – ритмично, равнодушно.

И кресло у двери.

В кресле, свернувшись клубком, спит моя сестра. Арина.

От этого имени внутри что-то отпускает. Совсем чуть-чуть – но достаточно, чтобы я снова смогла дышать. Глубже. Медленнее.

Она старше меня на два года.

И самый близкий человек в моей жизни.

Мы всегда были вдвоём против всего мира. Потому что наш отец – козёл. Любитель выпить и повысить голос. Особенно когда в очередной раз срывается на своей подружке.

Но нас двое. А он – один. Мамы в нашей жизни было мало.

Арина помнит её смутно – обрывками. Запах духов. Чужие руки, которые когда-то касались волос. Отголоски голоса, потерянные во времени.

А я... я не помню совсем.

Для меня она – пустое место. Белое пятно. Что-то, о чём говорят другие, но что никогда не было моим.

Отец говорит, что она ушла к другому мужчине.

Что забыла про нас.

Что мы должны быть благодарны ему за то, что он *тянул* нас все эти годы. Тянул.

Слово неприятно царапает изнутри. Как будто мы были ношей. Обузой. Да уж.

Жизнь у нас была так себе, но нить – не в моём стиле. Если постоянно жаловаться, легче не становится. Проверено.

Я собираюсь с силами. Горло саднит, будто я долго кричала или плакала – хотя не помню, чтобы делала это вслух. Воздух проходит с трудом.

– Ариш... – хрипло зову я, прочищая горло.

Звук выходит слабый, чужой. Будто это не мой голос, а чей-то ещё.

Она медленно открывает глаза.

Секунду смотрит на меня сонно, не понимая, где находится. Взгляд расфокусированный, тяжёлый.

А потом до неё доходит.

Арина резко выпрямляется. Сон слетает с неё в один миг. Взгляд становится ясным, в глазах вспыхивает что-то живое, тревожное – и сразу тёплое.

На лице появляется улыбка. Настоящая. Та, от которой внутри становится чуть спокойнее.

– Гретти... – выдыхает она и встаёт с кресла. – Боже, я так переживала. Я не спала всю ночь... но под утро всё-таки сдалась.

Она тихо смеётся, проводя ладонью по лицу, будто стирая усталость.

– Голова болит... – шепчу я. – Кто-нибудь ещё пострадал? Кира? Вика? Я не помню, кто был в машине...

Пока я говорю, память снова подбрасывает обрывки – рваные, болезненные.

Лес. Скорость.

Кира, уверяющий, что знает «крутое место».

– Нет, – нахмурившись, отвечает Арина. – У Киры всего пара царапин. Его дружков я не видела.

Мне становится не по себе.

В груди появляется неприятное, тянущее чувство, будто что-то сжимают изнутри.

Почему больше всего досталось именно мне?

– Где мой телефон? – прошу я после паузы. – Подашь?

– Он был в твоей сумке. Сейчас.

Арина подходит к столу у окна. Там стоит ваза с хризантемами – белыми, с едва заметным желтоватым оттенком. Они выглядят слишком живыми для больничной палаты.

Я всегда их любила.

– Бинго, – говорит она, возвращаясь с телефоном. – Уверена, там куча сообщений от друзей и твоего козла-парня.

Она морщит нос – привычно, с лёгкой насмешкой, будто старается разрядить обстановку.

– Красивые цветы, да? – улыбается Арина, наклоняясь ближе к вазе и вдыхая аромат.

– Очень, – тихо отвечаю я. – Ты же знаешь, как я их люблю.

– Это не я, – с усмешкой говорит она и снова садится в кресло. – Честно.

Слова повисают в воздухе. Странно.

Кира вряд ли стал бы приходить. Мысль возникает сама собой – холодная, неприятная. Я чувствую, как внутри что-то сжимается, будто организм заранее готовится к разочарованию.

Я открываю телефон не сразу.

Сначала просто держу его в ладони, ощущая холод стекла кожей. Он кажется тяжелее, чем должен быть. Пальцы дрожат – совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы это начало раздражать. В голове всё ещё гулко, будто внутри черепа перекачивается что-то тяжёлое, металлическое.

Сообщения от Ники – одно за другим.

Короткие. Сбивчивые. Живые. «Ты как?» «Ответь, пожалуйста» «Я рядом, если что»

От них становится теплее – и одновременно больнее. В груди появляется знакомое сдавливание, дыхание сбивается, словно я слишком долго держала его и только сейчас позволила себе вдохнуть по-настоящему.

Последнее сообщение заставляет нахмуриться.

«Видела Киру сегодня в универе. Он точно был с тобой?»

Я задерживаю взгляд на этих словах. Сердце делает неровный толчок и отдаётся где-то под рёбрами, неприятно, глухо. В висках начинает пульсировать.

И ещё одно сообщение. От него.

«Киса, прости за вечер. Всё должно было быть иначе. Поправляйся».

Слова аккуратные. Выверенные. Слишком правильные – как фраза, сказанная не из чувства, а потому что так *положено*.

Во рту появляется горечь. К горлу подкатывает тошнота. Я отворачиваюсь, будто от физического раздражителя, и медленно кладу телефон на тумбочку. Стекло тихо стучается о поверхность – звук кажется слишком громким.

Так заботливо, что аж выворачивает.

История с Кирой вообще была странной. Если честно – нелепой.

Он мне никогда не нравился. Не по-настоящему.

Слишком самоуверенный. Слишком красивый – из тех, кто это знает и умело этим пользуется.

Слишком уверенный, что мир вращается вокруг него и обязан подстраиваться под его шаг.

Типаж «я здесь главный».

Таких обычно любят девочки с блёстками на веках и пустотой в голове. Те, кто путает уверенность с силой, а напор – с заботой. Я – не из них.

И всё же... что-то во мне тогда щёлкнуло.

Не вспыхнуло – именно щёлкнуло. Тихо. Почти незаметно. Как ломается тонкая защёлка внутри, которую ты даже не осознавал.

Это было после очередной ссоры с отцом.

Он орал в трубку, как всегда – грубо, зло, с надрывом, будто срывал злость не только на меня, а на весь мир сразу. Цеплялся за мать, как за открытую рану, ковырял её снова и снова. Говорил, что она ушла из-за меня. Что я неблагодарная. Что если бы не он, нас бы давно не было.

Каждое слово ложилось точно – в самые уязвимые места. Я чувствовала это телом: плечи сами сжимались, живот сводило, а дыхание становилось поверхностным, будто воздуха внезапно стало меньше.

Я не выдержала. Просто швырнула телефон в сумку – слишком резко, будто хотела разбить не экран, а сам голос. И расплакалась прямо в коридоре универа.

Пара уже началась.

Коридор был пустой и гулкий. Запах пыли и старого отопления висел в воздухе, смешиваясь с чем-то металлическим. Я сидела на корточках у батареи, уткнувшись лицом в ладони. Плечи вздрагивали, дыхание сбивалось, а кожа на ладонях стала влажной от слёз.

Я надеялась, что никто меня не увидит. Не повезло.

– Грет, ты что ли там хныкаешь?

Я вздрогнула всем телом, будто меня окликнули слишком близко. Сердце дёрнулось так резко, что на секунду стало больно. Я быстро вытерла слёзы тыльной стороной ладони, втянула воздух, стараясь выровнять дыхание, и подняла голову.

Кира стоял в паре метров от меня.

В одной руке – телефон. В другой – зажигалка, которую он машинально щёлкал, даже не глядя. Щелчок. Пауза. Щелчок. Звук раздражал и одновременно заземлял.

Он смотрел на меня так, будто наткнулся на что-то неожиданное. Не неприятное – просто выбившееся из привычного сценария. В его взгляде не было насмешки. И это сбивало.

– К сожалению, ты не ошибся, – хрипло сказала я. Горло саднило, слова царапали изнутри. – Всё нормально. Иди куда шёл.

Я попыталась выпрямиться, сохранить лицо. Но голос предал – слишком слабый, слишком живой.

Подводка потекла, глаза щипало, кожа вокруг них тянула и жгла. Лицо наверняка было опухшим, красным, жалким. Я чувствовала это почти физически – как неловкость липнет к щекам. Хотелось провалиться сквозь пол, исчезнуть, раствориться в этом пустом коридоре.

Он прошёл мимо. Секунда. Две.

Я уже выдохнула – коротко, судорожно, – когда услышала, как шаги замедляются.

Он остановился. Вернулся.

Присел на корточки напротив меня – слишком близко. Настолько, что я уловила запах его парфюма: резкий, тёплый, чужой. Он вторгался в личное пространство, но почему-то не отталкивал. Сердце снова дёрнулось, но уже иначе – не от испуга, а от напряжённого ожидания.

В его взгляде было что-то странное.

Не насмешка. Не жалость. Внимание.

– Тебя кто-то обидел или гормоны шалют? – спросил он с кривой ухмылкой.

Голос прозвучал почти небрежно, но глаза следили за мной слишком внимательно.

– Отец, – коротко ответила я. – Ничего нового.

Я поднялась, не глядя на него, и начала отряхивать джинсы. Движения были резкими, неловкими. Пальцы подрагивали, и я злилась на себя за это. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле, мешая дышать ровно.

– Мой тоже козёл, – неожиданно серьёзно сказал он, глядя в пол.

Я невольно замерла.

– Но я научился отвечать так, что он теперь лишний раз рот не открывает.

Я подняла голову.

– И как же? – спросила я, сама не заметив, как в голосе появилась искра интереса.

Он усмехнулся – коротко, без веселья.

– Кулаками.

Я подняла на него взгляд. Он был спокойным. Слишком спокойным для этих слов.

– Я уже не маленький мальчик, – продолжил он ровно. – А ты девочка. Тебе сложнее.

Пауза.

– Но можешь сказать, что у тебя появился сильный парень. Иногда это работает.

И тут я рассмеялась.

Резко. Громко. Совершенно неуместно.

Смех вырвался сам – нервный, рваный, будто из меня резко выпустили воздух. Он звучал чуждо, почти истерично, но остановиться было невозможно. В груди щёлкнуло, напряжение ослабло, и вместе со смехом из глаз снова потекли слёзы.

Кира нахмурился.

– Ты чего?

– Всё нормально, – сказала я, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. Голос дрожал, но в нём уже не было прежней пустоты. – Просто... спасибо.

Я сделала паузу, подбирая слова.

– Последняя фраза почему-то подняла настроение. Хотя вообще-то всё это ни капли не смешно.

Он не обиделся.

Даже улыбнулся – коротко, почти незаметно.

Наверное, мне стало смешно потому, что с парнями у меня всегда было плохо.

Первый был Саша. Нам было по шестнадцать.

Тогда всё казалось почти правильным: неловкие прогулки, смущённые улыбки, ощущение, будто впереди обязательно есть что-то светлое и важное. Лес пах хвоей и влажной землёй, под ногами хрустели ветки, а я чувствовала себя слишком доверчивой. Слишком открытой.

А потом что-то резко оборвалось.

В один момент я поняла, что моё «нет» для него ничего не значит. Что он уже решил – я должна.

Тело среагировало раньше мыслей: холод прошёл по спине, дыхание сбилось, внутри всё сжалось, будто меня выдернули из собственной кожи. После этого мир стал другим – тише, жёстче, чужим.

На следующий день он рассказывал всем, что у нас был «бурный секс».

Слова липли к коже, как грязь. Я опровергла – и ушла. Резко. Без оглядки.

С тех пор в груди поселилось странное напряжение, будто я всё время держу плечи чуть приподнятыми, готовясь к удару.

Второй – Кирилл. Через год.

Он был старше. Сначала – внимательный, заботливый, будто всё понимающий. Я расслабилась. Позволила себе поверить.

А потом забота превратилась в контроль. Взгляды – в подозрение. Тон – в злость. Воздух рядом с ним стал тяжёлым, вязким, от которого хотелось отступить на шаг.

Когда под раздачу попала даже Арина, внутри меня вспыхнула красная лампочка. Я почувствовала это телом – резкое напряжение в животе, холод в пальцах, ясное, звенящее понимание: дальше нельзя.

Я ушла. Без сожалений.

И это было единственное правильное решение.

Так что мой смех тогда был не радостью.

Он был защитой. Нервной. Ломкой.

Кира смотрел на меня внимательно, будто разглядывал под другим углом.

И в его взгляде не было ни грязи, ни давления.

Только странная, неожиданная мягкость – почти осторожность.

– Смеёшься как чайка, – сказал он.

Я почувствовала, как уголки губ сами дёрнулись вверх – против воли, будто тело на секунду забыло, что ему вообще-то нельзя расслабляться.

– Но мне нравится, – добавил он. – Пошли, я провожу тебя.

– Я домой, – ответила я.

– Тогда подвезу.

Он усмехнулся – легко, почти беззаботно.

– И хватит смеяться, а то я начинаю чувствовать себя идиотом.

Мы ехали молча.

Машина мягко покачивалась, будто убаюкивая. За окном тянулись фонари – жёлтые, размытые, один за другим. Город проплывал мимо, и я впервые за долгое время не чувствовала, что должна быть настороже. Не ловила каждое движение, не прислушивалась к интонациям, не держала плечи напряжёнными.

Я просто сидела. Дышала.

У дома он не спешил выходить. Двигатель ещё работал, тихо урча, а он смотрел куда-то вперёд, будто подбирал слова.

– Слушай... – наконец сказал он. – Не хочешь как-нибудь увидеться?

Он повернулся ко мне, и в этот момент в нём не было привычной самоуверенности. Почти робость. Почти неловкость.

И мне почему-то стало тепло. Осторожно, где-то под рёбрами, словно там загорелся маленький, неуверенный огонёк.

– А Тина не будет против? – спросила я тихо. – Вы же вроде были вместе.

– Были, – коротко ответил он.

Пауза повисла, между нами, плотная, осязаемая.

– Я её бросил. Я свободен.

И хочу увидиться с тобой... в другой обстановке.

Я пожала плечами, ощущая, как сердце делает неровный, но живой толчок – будто напоминая, что оно всё ещё умеет чувствовать.

– Тогда можно.

Так всё и началось.

А потом... Он снова стал тем самым Кирой. Наглым. Холодным. Высокомерным.

Я убираю телефон на тумбочку.

Пальцы ноют, будто устали держать прошлое. Будто я слишком долго сжимала что-то ненужное и только сейчас позволила себе разжать ладонь.

Слишком много мыслей о нём. Он не стоит ни моей боли. Ни этой больничной койки.

И уж точно – не моих снов.

В голове снова простреливает боль – коротко, остро, будто кто-то дёргает за тонкий нерв. Я невольно морщусь и глубже вжимаюсь в подушку. Белый потолок плывёт, лампа над кроватью кажется слишком яркой, слишком чужой.

Я закрываю глаза. И стараюсь не думать о том, как легко было тогда поверить, и как дорого мне это обошлось.

Арина стоит у окна. Свет из двора ложится на её профиль, подчёркивая резкие линии – скулы, напряжённую челюсть. Делает её старше. Жёстче. Она с кем-то говорит по телефону – тихо, но раздражённо. Я узнаю этот тон сразу, ещё до слов.

– Отцу звонишь? – спрашиваю безразлично, хотя внутри всё уже сжалось, будто кто-то заранее приготовился к удару.

Она оборачивается на секунду, смотрит на меня так, словно проверяет, стоит ли отвечать. Потом снова отворачивается к стеклу.

– Да, – резко говорит она. – Он не брал трубку всю ночь. Опять пьёт.

Она сбрасывает вызов с таким движением, будто хочет швырнуть телефон в стену – и в последний момент сдерживается. Пальцы сжимают корпус, побелев. Я слышу, как она шумно выдыхает, словно выталкивает из груди злость.

– Почему ему плевать? – продолжает она, и голос предательски дрожит. – Он даже не знает, что ты в больнице.

Я закрываю глаза. Не потому, что хочу спать – просто так легче. Темнота под веками успокаивает, глушит резкие углы мыслей.

– Не злись, – говорю спокойно, почти устало. – Ты же знаешь нашего отца. Пусть живёт своей жизнью.

А мы... своей. Слова даются тяжело, будто я проталкиваю их сквозь вязкий, густой воздух. После них внутри остаётся пустота – знакомая, выученная.

Арина недовольно качает головой, сжимает губы.

– Нам нужно срочно съезжать, – говорит она тихо, но решительно.

Я не отвечаю.

Просто лежу и слушаю: как за стеной кто-то катит тележку, как щёлкает выключатель, как где-то в коридоре смеются – слишком громко, слишком живо для больницы. Этот смех режет слух, будто напоминание о том, что мир снаружи продолжается, не замечая нас.

День тянулся медленно.

Между уколами, короткими вопросами медсестры, гулками шагами в коридоре. Я почти не двигалась – тело будто налилось свинцом, стало тяжёлым и чужим. Иногда смотрела в окно, где небо медленно меняло цвет: от бледно-серого к тёплому, выцветшему вечернему. Иногда просто считала трещинки на потолке, будто в этом была какая-то система, порядок.

Арина приносила воду, поправляла одеяло, садилась рядом и молчала – так, как умеют только самые близкие. Мы почти не говорили. И в этом молчании было больше заботы, чем в любых словах.

В какой-то момент дверь палаты тихо открывается.

Заходит доктор – весёлый, слишком бодрый для этого места, словно он пришёл не к людям с болью, а на дружескую встречу.

– Ну что, больная с прекрасным именем, как самочувствие?

Я открываю глаза, моргаю, привыкая к свету.

– Терпимо, – отвечаю честно. – Затылок простреливает.

– Это нормально, – говорит доктор уверенно, словно ставит точку. – Всё пройдёт.

Он что-то быстро отмечает в карте. Ручка тихо царапает бумагу, звук растягивается, будто становится дальше. Я уже почти не слышу его слов – сон подкрадывается внезапно, тяжёлый, тёплый, как волна, накрывающая с головой.

– Я зайду вечером, – добавляет он и выходит, тихо прикрыв за собой дверь.

В палате снова становится тихо. Слишком тихо.

Арина подходит ближе, наклоняется ко мне. Я чувствую знакомый запах её духов – домашний, спокойный, такой родной, что от него щемит где-то под рёбрами.

– Гретти, мне нужно на работу, – говорит она вполголоса. – Звони, если что. Я рядом.

Я хочу ответить, но язык будто не слушается. Только едва заметно киваю.

Она задерживается ещё на секунду, словно хочет что-то сказать, потом выпрямляется и выходит. Дверь мягко щёлкает, и я остаюсь одна.

Тело постепенно тяжелеет. Руки и ноги словно наливаются свинцом, становятся чужими. Боль в затылке отступает, растворяется где-то на фоне, превращаясь в далёкое эхо. Веки медленно опускаются, будто их тянут вниз.

Последнее, что я ощущаю, – тепло под одеялом и глухую, вязкую тишину палаты.

И я засыпаю. Я бегу.

Лес вокруг слишком тёмный, будто свет здесь не существует вовсе. Не ночной – мёртвый. Деревья стоят слишком близко друг к другу, их кроны смыкаются над головой, не оставляя ни единого просвета. Ветки хлещут по лицу, царапают руки, цепляются за одежду, но я не останавливаюсь.

Мне нельзя останавливаться.

Я знаю это так же ясно, как то, что у меня есть сердце.

Я слышу собственное дыхание – рваное, хриплое. Оно звучит слишком громко, будто выдаёт меня. Лёгкие горят, горло дерёт, воздух не успевает наполнять грудь.

За спиной – шаги. Не быстрые. Не тяжёлые. Спокойные.

От этого становится страшнее.

– Гретти... – раздаётся голос.

Он не кричит.

Он будто скользит между деревьями, просачивается под кожу, оседает внутри, как холод.

– Верни...

Последнее слово тянется, ломается, словно сказано не ртом, а чем-то другим. Чем-то, у чего нет формы.

Я бегу быстрее – или мне только кажется. Ноги наливаются свинцом, каждый шаг даётся с усилием. Земля подо мной становится вязкой, мягкой, как мокрая глина.

Я спотыкаюсь. Падаю.

Ладони вязнут в холодной земле. Она липкая, тяжёлая, словно не хочет отпустить. Пальцы соскальзывают, дрожат, не находя опоры. Воздух выбивает из лёгких.

Я пытаюсь подняться – и не могу.

Ноги не слушаются. Они будто больше не мои.

Шаги приближаются. Всё такие же спокойные. Неторопливые. В них нет спешки – только уверенность.

– Гретти... – снова звучит голос.

Он уже рядом. Я чувствую это кожей, затылком, дрожью, которая поднимается вдоль позвоночника.

– Ты же знаешь, – говорит он тише. – Это моё.

Я оборачиваюсь.

Между деревьями стоит фигура. Слишком тёмная, будто свет вокруг неё гаснет. Лицо размыто, как отражение в воде, но я знаю – он смотрит прямо на меня.

И улыбается.

Спокойно. Как человек, который давно сделал выбор. Он делает шаг вперёд.

Я отползаю назад, чувствуя, как земля под ладонями становится холоднее. Спина упирается в пустоту. Я оборачиваюсь – и понимаю.

Обрыв. Чёрный. Без дна.

– Не надо... – вырывается у меня. Голос ломается, дрожит.

Он подходит ближе. Тень накрывает меня полностью.

– Уже поздно, – говорит он спокойно.

Он тянется ко мне.

И в этот момент в голове взрывается боль – та самая, после аварии. Ослепляющая, разрывающая изнутри.

Я кричу. ...я просыпаюсь. Резко. Судорожно.

Грудь вздымается, будто я только что вынырнула из-под воды. Простыня липнет к спине, холодная и влажная. Лоб мокрый, дыхание сбитое, рваное. Сердце колотится так, словно всё ещё пытается убежать – вперёд, прочь, куда угодно.

В палате сумерки.

Свет приглушённый, размытый, будто вечер не решился стать ночью. Окно распахнуто. Тюль медленно колышется от сквозняка, задевая подоконник тихим, почти ласковым шорохом. Холодный воздух ползёт по коже, цепляется за щиколотки, за запястья.

И тогда я вижу их. В ногах кровати – чёрные хризантемы.

Лепестки густые, бархатные, почти матовые. Цвет – не просто тёмный, а какой-то глухой, поглощающий свет. Они выглядят чуждо. Неправильно. Слишком настоящие для больничной палаты.

– Привет, Гретти.

Голос раздаётся из угла.

Я вздрагиваю всем телом и медленно поднимаю взгляд.

В тени стоит мужчина. Его силуэт расплывчатый, словно свет намеренно обходит его стороной. Лицо невозможно рассмотреть полностью, но я знаю – он улыбается. Не глазами. Чем-то глубже.

– Тебе понравились мои цветы? – спрашивает он мягко, почти заботливо.

Я пытаюсь пошевелиться – и не могу. Тело будто вросло в матрас. Руки не слушаются. Ноги тяжёлые, как налитые свинцом. Даже дыхание даётся с трудом.

– Мне жаль, что всё так вышло, – продолжает он, делая шаг вперёд. – Но мне нужно кое-что у тебя забрать.

Внутри всё сжимается.

Я с трудом нахожу в себе силы повернуть голову и нажать кнопку вызова врача. Пальцы дрожат так сильно, что я едва попадаю по ней.

– Что... что вам нужно?.. – шепчу я. Голос выходит слабым, почти не моим.

Он выходит из тени.

Лунный свет из окна окрашивает его лицо в холодный синий оттенок. Он красив. Слишком. Черты ровные, почти идеальные, будто вырезанные не человеческой рукой. Его глаза блестят – не отражая свет, а словно удерживая внутри что-то живое.

– Я не сделаю больно, – говорит он спокойно. – Я просто верну своё.

И тогда его рот раскрывается.

Не так, как должен.

Изнутри, будто с любопытством, тянется нечто чужое – тёмное, живое, извивающееся. Оно движется ко мне, чувствуя цель. Я ощущаю это не глазами, а кожей, внутренностями, страхом, который сжимает горло.

Я кричу. Изо всех сил. И просыпаюсь.

Палата. Вечерний свет. Закрытое окно. Никакого сквозняка. Никаких цветов. Никакого мужчины. Тишина.

Только дрожь в руках и странное, пугающее ощущение – будто внутри меня чего-то не хватает. Как если бы что-то уже забрали, но я пока не знаю, что именно.

Сон во сне. Но я знаю точно:

кто-то уже начал забирать своё.

Из транса меня выводит тихий стук в дверь.

На пороге появилась Ника, и в палату тут же проник знакомый запах ванильных духов – её любимых. Тёплых, сладких, слишком реальных, чтобы быть частью сна.

Она выглядела как всегда чудесно: золотые волосы стянуты в высокий хвост, поверх которого красовался нежно-голубой бантик. Передние пряди мягко обрамляли лицо, а зелёные глаза смотрели на меня внимательно и заботливо.

В руках у неё был бумажный пакет, а подмышкой – мягкая игрушка в виде единорога. Моё любимое мифическое животное. Она это знала.

– Гре-е-етти! – радостно воскликнула Ника и тут же подбежала ко мне.

Она обняла меня крепко, искренне, без осторожности – так, как обнимают только по-настоящему близких. Я вдохнула знакомый запах её духов, почувствовала тепло её рук – и тревога отступила.

Реальный мир. Реальная подруга. Настоящие прикосновения.

Почти сразу Ника отскочила назад.

– Прости, прости! – быстро заговорила она. – Я в порыве эмоций не подумала, что тебе может быть больно.

Я улыбнулась. Ника всегда была такой – светлой, доброй, будто собранной из солнечных лучей и искренности.

– Всё нормально, – спокойно сказала я. – Болят только затылок и голова.

Я легко коснулась её руки, давая понять, что правда в порядке.

Ника заметно расслабилась и тут же переключилась на пакет.

Мы дружили не так давно – познакомились на посвящении, но почти сразу я поняла: она мой человек. Мы были совершенно разными – и внешне, и по энергетике, – и именно это в ней притягивало. Таких светлых людей, казалось, просто не существует.

Она достала из пакета заварные пирожные – мои любимые.

Я с радостью взяла одно и откусила. Идеально.

– Спасибо, Ника, ты чудо, – пробормотала я с набитым ртом.

– Это ещё не всё, – загадочно сказала она.

Из пакета появилась вытянутая коробочка с розовым бантиком. Ника осторожно положила её мне на живот, словно это было что-то хрупкое.

– Вот. Открывай. Я увидела его случайно, когда шла в кондитерскую.

Я отложила пирожное и аккуратно развязала ленту. Бантик послушно расправился. Когда я подняла крышку, дыхание на мгновение перехватило.

В бархатной коробочке лежал серебряный браслет – тонкое плетение с маленькими бусинами и подвеска-ловец снов, украшенная камнями. Он переливался мягким светом, будто живой.

Ника помогла мне застегнуть браслет.

Застёжка щёлкнула – слишком отчётливо, будто этот звук раздался не снаружи, а внутри меня.

Я вздрогнула и машинально посмотрела на запястье. На секунду показалось, что металл стал теплее кожи. Не приятно тёплым – *осозанным*. Слишком красивым.

– Ника... – выдохнула я. – Он невероятный. Спасибо тебе большое.

– Я увидела его в каком-то маленьком магазинчике, – сказала она, тепло улыбаясь. – Ты же знаешь, я та ещё сорока. Не могу пройти мимо всего блестящего.

Она чуть рассмеялась, а потом добавила:

– А этот будто сам на меня посмотрел.

Я снова перевела взгляд на браслет.

– Знаешь... – продолжила Ника после короткой паузы. – Я подумала, что тебе сейчас нужен оберег. Ловец снов ведь ловит плохие сны...

Она наклонилась ко мне ближе и понизила голос:

– Но я попросила его защищать тебя вообще от всего плохого.

Я медленно подняла руку. Камни поблёскивали в мягком свете палаты – слишком глубоко для обычного украшения. Будто внутри них пряталось что-то ещё. Не просто отражение.

– Это очень кстати, – тихо сказала я и невольно поморщилась.

Перед глазами вспыхнули обрывки сна: тьма, ветер, шаги... голос.

– Дурные сны? – осторожно спросила Ника, внимательно наблюдая за моим лицом.

– Скорее... странные, – я замялась. – Сон во сне. Ты просыпаешься и уверен, что всё было по-настоящему.

Я на секунду сжала запястье.

– И ещё там был мужчина, – добавила я. – Он говорил, что хочет что-то вернуть.

Ника нахмурилась.

– А как он выглядел?

Я попыталась восстановить его лицо – и вместо этого память выбросила другое. Чуждое. Неправильное. Что-то живое, медленно тянущееся из его рта.

По спине пробежал холод.

– Он был красивый, – медленно сказала я. – Брюнет. Высокий. В чёрном костюме.

Я сделала паузу.

– Но кожа... будто усыпана мелкими синими блёстками. Как отражение света на воде.

Я сглотнула.

– Или на чём-то глубже.

Ника распахнула глаза, а потом усмехнулась, явно пытаясь разрядить напряжение.

– Вау. Мужчина в блёстках. Стильно.

Я не удержалась и рассмеялась – слишком резко, слишком громко, будто сбрасывая с себя тяжесть, которая давила изнутри.

– Иди ты, – фыркнула я. – Вот и рассказывай тебе сны.

Мы засмеялись вместе. Смех получился живой, настоящий – на пару секунд он оттеснил тревогу куда-то вглубь. Ника отвела взгляд к столу.

– Красивые цветы, – заметила она. – Сестра принесла?

– Нет. Я думала, что Кира... – я закатила глаза. – Но от него пока только смс в духе «извини и поправляйся».

Ника театрально вздохнула.

– О, он у тебя просто душка.

Она улыбнулась, но почти сразу посерьёзнела и начала медленно ходить по палате. Мысль о том, что из-за него я здесь, а он даже не удосужился появиться, неприятно кольнула где-то под рёбрами.

– Плевать, – буркнула я, отводя взгляд. – Уверена, его машина пострадала больше, чем я.

Ника остановилась. Хитро посмотрела на меня – и вдруг вытащила из-за спины мягкую игрушку.

– Тогда знакомься. Это Рокки. Твой личный защитник.

Она угрожающе нахмурилась и сжала игрушку покрепче.

– Он будет бить всех своим рогом.

– Р-р-р, – поддержала я, протягивая руки.

Я поймала игрушку и расхохоталась. Единорог был белый, с фиолетовой гривой и маленьким плюшевым рогом – нелепо милый и совершенно нестрашный. Я прижала его к груди, чувствуя, как внутри становится чуть теплее.

– Спасибо, Ника, – сказала я искренне. – Ты и Арина – самые важные люди в моей жизни.

Она улыбнулась, потом взглянула на экран телефона и поморщилась.

– Я обещала родителям не задерживаться. Сегодня у нас «светский ужин».

Ника покрутилась на месте, изображая светскую даму, и рассмешила меня ещё раз.

– Так что мне пора бежать. Поправляйся и ешь пирожные.

Она сжала мою руку. Я ответила тем же – крепче, чем собиралась.

– Думаю, сразу после твоего ухода этим и займусь, – сказала я. – Хорошего вечера.

Ника ещё раз улыбнулась и легко упорхнула за дверь. Палата на мгновение наполнилась пустотой – не звенящей, а тихой, осторожной.

Я осталась одна.

Мой взгляд снова вернулся к браслету. Камни в ловце снов тихо поблёскивали в полумраке, будто прислушивались. Свет от лампы скользил по их граням, и мне вдруг показалось, что они живут своей отдельной, скрытой жизнью.

Он и правда выглядел немного... магически.

Я пошевелила пальцами, ощущая прохладу металла на коже. Это прикосновение странным образом успокаивало.

Может быть, он действительно не пропустит плохие сны.

Или хотя бы не даст им подобраться слишком близко.

Оставшийся вечер я провела за телевизором и пирожными. Почти как дома. Фоновый шум передач, мягкий свет, сладкий вкус – всё это создаёт иллюзию нормальности, будто ничего страшного не произошло.

Я даже начала скучать по своей комнате.

Она маленькая, но уютная: компьютерный стол у окна с бежевыми занавесками, ноутбук, разбросанные тетради и маркеры. Я люблю переписывать конспекты аккуратно – это мой ритуал. Он помогает держать мысли в порядке.

Рядом – односпальная кровать с нежно-розовым пледом. Подарок Ники.

На стене – единственная картинка, вырезанная из журнала: девушка в голубом платье среди роз. В детстве мне казалось, что она похожа на мою маму.

Мысли о матери убаюкали меня. Глаза закрылись сами собой.

Сон пришёл мягко, почти ласково.

Я сидела на тёплом песке у моря. Он был мелким, золотистым, приятно рассыпался между пальцами. Солнце грело кожу – не обжигая, а успокаивая. На мне было то самое платье – голубое, лёгкое, как на картинке из моей комнаты. Оно колыхалось от слабого ветра, касаясь ног, и впервые за долгое время мне было спокойно.

Я просто сидела и дышала.

Море шумело ровно, размеренно, будто убаюкивало. Небо было чистым, бесконечно голубым – таким, каким оно бывает только во снах.

А потом что-то изменилось.

Я почувствовала это не сразу – не глазами, а телом. Будто внутри что-то насторожилось. Тепло стало уходить, словно солнце медленно отвернулось от меня.

Я подняла голову.

По небу медленно ползла туча.

Не обычная – слишком чёрная, слишком плотная. Она не просто закрывала солнце – она будто поглощала его, стирая свет, оставляя после себя серую, мёртвую пустоту.

Воздух стал тяжёлым. Густым. Его приходилось проталкивать в лёгкие усилием.

Я поднялась с песка.

Ветер усилился – сначала осторожно, будто пробуя меня на прочность, а потом резко, зло. Платье хлестало по ногам, ткань липла к коже, волосы били по лицу, забивались в рот. Стало холодно. Я обхватила себя руками, но это не помогло – холод был внутри.

Песок начал подниматься с земли, закручиваться в воздухе, больно бил по коже. Он лез в глаза, в рот, в лёгкие. Я зажмурилась, но даже сквозь закрытые веки чувствовала – мир вокруг меня трескается, ломается, осыпается, как декорация.

И тогда я услышала голос.

– Думаешь, ты спряталась?

Он был далёким, искажённым ветром, но от этого не менее узнаваемым. Мужской. Низкий. Холодный.

Он не угрожал – он был уверен.

Моё сердце сжалось, будто кто-то сдавил его пальцами.

– Думаешь, я не доберусь до тебя?

Я резко обернулась, пытаюсь разглядеть источник звука, но вокруг было только небо, песок и море, которое теперь стало тёмным, почти чёрным, лишённым отражений.

– Ты не настоящий! – закричала я, срывая голос. – Это сон! Ты – в моей голове!

Ветер заглушал мои слова, разрывал их на части, уносил прочь, будто они ничего не значили.

– Пока да, – отозвался голос. Уже тише. Ближе. – Пока я далеко.

Я почувствовала, как внутри поднимается паника – липкая, первобытная. Она расползлась по телу, сковывая движения.

– Но ненадолго.

Меня пробрала дрожь. Я инстинктивно сжала запястье – и только тогда поняла, что на руке браслет.

Он был другим. Темнее. Камни в ловце снов казались глубже, чем раньше, будто в них что-то шевелилось, наблюдало. Металл был холодным – ледяным, но этот холод почему-то удерживал меня от полного ужаса, не давал рассыпаться.

Ветер на секунду стих.

Тишина навалилась резко, почти болезненно – как перед ударом.

Я сделала шаг назад.

И в этот момент небо разорвала молния.

Она ударила где-то совсем рядом – ослепляюще ярко, оглушающе громко. Грохот пронзил голову, будто расколол её изнутри.

Я резко распахнула глаза.

Свет ударил сразу – бледный, больничный, слишком ровный. Утро. Я поняла это не по окну, а по ощущению: тело стало тяжёлым, будто ночь так и не отпустила меня.

Первым движением – почти судорожным – я посмотрела на руку.

Браслет был на месте.

Холодный. Твёрдый. Обычный на вид – и от этого ещё более пугающий. Металл неприятно лип к коже, словно напоминал о себе намеренно. Я сжала пальцы, чувствуя, как он впицается в запястье, и только тогда позволила себе вдохнуть глубже.

Это был не сон. Слишком многое не походило на обычный кошмар.

Слишком ясно. Слишком собранно. Слишком... осознанно.

Во сне мысли распадаются. Здесь – они стояли ровной линией, будто выстроенные кем-то нарочно.

Я провела ладонью по лицу. Кожа была горячей, влажной. Сердце билось неровно, отдаваясь где-то под ключицами, и я прислушалась к этому ритму, словно проверяя, действительно ли всё ещё здесь.

Медленно, очень медленно, я осмотрелась.

Белые стены. Капельница. Стул у окна. Тишина.

Но эта тишина была обманчивой. Под ней – тревога. Глухая, вязкая, будто тонкий слой льда под ногами. Я чувствовала её телом: в напряжённых плечах, в сжатом животе, в холодке где-то под рёбрами.

Он был далеко. Пока.

Я знала это не умом – кожей. Так чувствуют приближение грозы задолго до грома.

Я откинулась на подушку, всё ещё сжимая браслет, словно он мог удержать меня здесь. Ткань под головой была прохладной, чужой. Я закрыла глаза, но темнота под веками больше не приносила покоя.

Спать не хотелось.

Больше – не получалось.

И самое страшное было даже не в воспоминаниях.

Самое страшное – в уверенности.

В следующий раз он будет ближе.

Глава 2

Я вернулась домой после недели однообразных больничных процедур и была искренне рада снова оказаться в месте, которое считала безопасным.

Родные стены встретили тишиной и знакомыми очертаниями. Здесь всё было на своих местах, и от этого внутри становилось чуть спокойнее, будто тело наконец позволило себе расслабиться.

Сны продолжались, но уже не были такими яркими, как в первые дни. Что-то по-прежнему пыталось прорваться ко мне, словно нащупывало дорогу, но каждый раз натыкалось на преграду и отступало. Я не помнила деталей – только смутное, давящее ощущение, будто кто-то настойчиво стучался в дверь, которую не мог открыть.

Возможно, ловцы снов – не такие уж и мифы. А возможно, всё это лишь последствия удара головой в аварии. Сотрясение. Галлюцинации. Игра уставшего сознания. Мне очень хотелось верить именно в это.

Я вышла из такси и на мгновение задержалась, оглядывая дом. Обычная многоэтажка в спальном районе: серые подъезды, тусклые окна, люди с зонтами, спешащие по своим делам. Моросил мелкий дождь, асфальт блестел, отражая блеклый свет фонарей. Небо нависало низко и тяжело, словно придавливало город к земле.

На своём этаже я сразу услышала музыку – глухой рок, пробивающийся сквозь стены. Соседями были двое парней лет двадцати пяти, холостые и шумные.

Я устало выдохнула. Дом. Всё-таки дом.

– Ничего не меняется, – тихо сказала я себе.

И, пожалуй, это даже успокаивало.

Отец и Арина, конечно, были на работе. Отец – разнорабочим в строительной фирме. Из-за любви к выпивке он нигде долго не задерживался. После ухода матери – даже не ухода, а исчезновения – он стал пить больше, и за это мы платили все.

Дом встретил меня знакомым запахом: пыль, старая мебель, духи Арины, остатки еды. У каждого дома есть свой запах. Этот был моим.

И почти сразу я услышала мяуканье.

Милка. Наша старая кошка медленно вышла из кухни, посмотрела на меня мутно-жёлтыми глазами и снова мяукнула – требовательно, по-хозяйски. Я присела и погладила её по гладкой, чёрной, как лак, шерсти. Она довольно прищурилась и потёрлась о мою руку.

– Пойдём, – сказала я. – Проверим, что у тебя с едой.

На кухне я выложила корм в миску. В голове кольнуло – коротко, почти незаметно. Уже не боль, а напоминание. Я на секунду замерла, прислушиваясь к себе, но ощущение быстро ушло.

В холодильнике всё было по-старому: банки с соленьями, бутылки пива, кастрюля с куриным супом. Я знала – это Арина готовила. Она всегда старалась, даже когда была вымотана до предела.

В комнате тоже ничего не изменилось. Косметика всё ещё лежала на кровати – так, как в тот вечер перед аварией. Перед встречей с Киной.

Я задержала взгляд на этих мелочах чуть дольше, чем следовало, и вдруг почувствовала, как внутри поднимается усталость – тяжёлая, вязкая, словно я так и не вернулась окончательно.

Я аккуратно собрала вещи в косметичку и легла на кровать. Она показалась невероятно мягкой после больничной койки.

Написала Нике:

«Я дома. Завтра увидимся в универе».

Кире писать не стала. За всю неделю – только ночные сообщения: «Добрых снов, киса». Я не отвечала. И, кажется, ему было всё равно.

Я повернулась на бок – и вдруг слёзы сами потекли по щекам. Всю неделю я держалась, а здесь, в своём пространстве, позволила себе сломаться. Я тихо всхлипывала, уткнувшись в подушку, и с каждым вдохом становилось чуть легче.

День прошёл незаметно: учёба, суп, порядок в комнате. К вечеру я набрала ванну – горячую, долгожданную.

Я закрыла глаза... и вдруг вспыхнуло воспоминание.

Тьма. Лес. Что-то огромное уходит вглубь, растворяясь между деревьями.

Я падаю. Кровь медленно течёт по затылку.

Я резко открыла глаза. Сердце колотилось. Врач говорил, что память будет возвращаться фрагментами. Наверное, это был один из них. Я не разглядела зверя – лишь массивный тёмный силуэт. Люди такими не бывают.

Хлопнула входная дверь. Я вздрогнула – звук был слишком резким для спокойного вечера. Почти сразу раздался громкий мужской голос, а следом – женский смех: глухой, растянутый, с надрывной веселостью.

Отец пришёл не один. Смех снова прокатился по квартире, и теперь я уже точно знала, кто это. Ульяна.

Её присутствие всегда ощущалось раньше, чем она появлялась в поле зрения. Слишком громко, слишком резко, слишком много. Она словно заполняла собой всё пространство – голосом, запахом сладких духов, нервной энергией.

Я слила воду в ванной быстрее, чем собиралась, надела халат и вышла в коридор.

– Дочка! – крикнул отец из зала. – Иди сюда!

В голосе звучала наигранная бодрость – та самая, за которой обычно прятались усталость и раздражение.

Я медленно подошла.

Он сидел на диване, развалившись, будто был хозяином не только квартиры, но и всего вечера. В одной руке – бутылка тёмного пива, в другой – пульт.

Рядом с ним устроилась Ульяна.

Она выглядела, как всегда, вызывающе неуместно: слишком яркий макияж, густо подведённые глаза, помада, выходящая за контур губ. Белые, неестественно осветлённые волосы резко контрастировали с тёмными корнями. Она улыбалась – широко, напряжённо, словно эта улыбка была приклеена к лицу и ничего общего с радостью не имела.

– Ой, Гретти, привет, – пропела она, разглядывая меня с ног до головы.

Во взгляде мелькнуло что-то оценивающее, липкое.

– Здравствуйте, – сдержанно ответила я.

Отец хлопнул ладонью по дивану.

– Иди, садись. Мы тут без тебя совсем заскучали.

Я осталась стоять.

– Я только из ванной, – сказала я. – Устала.

Он прищурился, сделал глоток пива и будто на секунду стал другим – менее весёлым, более настоящим.

– Ну конечно, – протянул он. – Всегда устала.

Ульяна тихо хихикнула и тоже потянулась к бутылке.

– Больничка, да? – сказала она с показной участливостью. – Это, конечно, тяжело... но зато отдохнула.

Я почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

– Я была в больнице не ради отдыха, – ответила я.

Отец резко сменил тон.

– Ладно, ладно, – махнул он рукой. – Не начинай. Я вообще-то переживал. Два раза приезжал.

Он сказал это с таким видом, будто ожидал благодарности.

– Я знаю, – сказала я. – Спасибо.

– Ну вот, – оживился он. – А ты сразу в комнату сбежать хочешь.

Я глубоко вдохнула.

– Пап, я правда устала. Завтра учёба, я много пропустила.

Он фыркнул и откинулся на спинку дивана.

– Конечно. Учёба, книжки...

Потом глянул на меня исподлобья:

– Не можешь с отцом посидеть десять минут?

В комнате повисло напряжение. Телевизор орал, музыка смешалась со смехом Ульяны, запах алкоголя и духов резал нос.

– Я просто хочу лечь пораньше, – сказала я тише.

Его лицо мгновенно изменилось. Весёлость слетела, будто маска.

– Ну иди, – бросил он резко. – Иди, если так «соскучилась».

Я развернулась и ушла, чувствуя спиной его тяжёлый взгляд.

За спиной раздался смех Ульяны – слишком громкий, слишком не к месту.

Дом снова стал чужим.

Я закрыла дверь в комнату и впервые за день выдохнула по-настоящему.

Здесь было тихо. Не идеально – сквозь стены всё равно пробивались приглушённые голоса из зала и глухой гул телевизора, – но достаточно, чтобы почувствовать себя в безопасности.

Моя комната всегда была маленькой, но она умела вмещать меня целиком.

Я прошла к комоду. На нём лежали книги, аккуратно сложенные в стопку.

«Портрет Дориана Грея» смотрел на меня тёмной обложкой, будто знал, что я снова к нему вернусь.

Я легла на кровать, подтянув под себя ноги, укрылась пледом и открыла книгу. Бумага тихо зашуршала – знакомый, почти утешающий звук.

Строки ложились в голову медленно. Я читала, но не всегда понимала прочитанное. Мысли ускользали, цеплялись за обрывки прошедшего дня, за больничный свет, за Киру, за отцовский голос за стеной.

Иногда я останавливалась и просто смотрела в потолок.

В комнате пахло чистым бельём и чем-то родным, неуловимым – смесью пыли, бумаги и моего крема для рук. Здесь я могла быть слабой, могла молчать, могла не притворяться.

Я перевернула страницу, но взгляд снова соскользнул. Где-то в зале громко засмеялись. Потом музыка стала громче. Я не прислушивалась – я давно научилась не слышать.

Рука сама нашла браслет на запястье. Я медленно провела пальцами по холодному серебру, по мелким бусинам, задержалась на подвеске. От этого жеста внутри становилось чуть спокойнее, будто я возвращалась в своё тело.

Время тянулось странно. Я посмотрела на часы – почти девять.

Арина скоро придёт. Телефон коротко звякнул.

Звук был обычный, ничем не примечательный – но я всё равно вздрогнула, будто он прозвучал слишком громко в тишине комнаты.

Неизвестный номер.

Я нахмурилась и медленно взяла телефон.

В сообщении было вложение. Фотография.

Пальцы на секунду замерли над экраном. Глупая пауза – та самая доля секунды, когда ещё можно не знать. Потом я нажала. Кира.

Он стоял вполоборота, обнимая Тину за талию – так естественно, будто его рука всегда там и была. Она прижималась к нему, слегка запрокинув голову, и широко улыбалась. Не в камеру – ему.

Фон – какой-то магазин, вечерний свет витрин. Всё выглядело слишком живым, слишком настоящим. Не постановка. Не случайность.

Рядом – его машина. Чёрная «Тойота».

И на боку – та самая вмятина после аварии.

Воздух будто вышел из лёгких. Значит, он ездит. Значит, гуляет. Значит, всё это время...

А я лежала под капельницами и читала его сухие ночные сообщения:

«Добрых снов, киса».

Меня накрыла горячая волна злости. Какой же ты...

Я резко откинула телефон на кровать, будто он обжёг ладонь. Сердце колотилось слишком быстро, в висках стучало.

Если смотреть без злости – они действительно подходили друг другу.

Король и королева.

Тина была безупречной: высокая, стройная, ухоженная. Длинные прямые волосы с чёлкой, идеальная укладка. Слишком яркие зелёные глаза – наверняка линзы. Широкая белоснежная улыбка, отточенные движения.

На ней было бордовое пальто и горчичный шарф – всё подобрано так, будто она собиралась на обложку журнала.

А Кира смотрел на неё так, как смотрят не на девушку, а на трофей.

Взгляд хищника. Завоевателя. Меня передёрнуло.

Я встала и подошла к зеркалу.

Из отражения на меня смотрела худощавая, бледная девушка с тёмными волнистыми волосами и усталыми серыми глазами. Взгляд был каким-то потерянным – будто я смотрела не на себя, а сквозь себя.

Жалость кольнула резко и неприятно. Я ненавидела это чувство.

Отвернувшись, я машинально начала перебирать браслет на запястье. Пальцы скользили по холодному серебру, по маленьким бусинам, по подвеске-ловцу. Ритм дыхания постепенно выравнился.

Нет. Я не буду плакать из-за него. Я услышала, как хлопнула входная дверь.

Арина пришла.

Телефон всё ещё лежал на кровати, экраном вверх. Я даже не посмотрела на него – будто знала, что если увижу фотографию ещё раз, внутри что-то снова треснет.

Первая мысль была простой и естественной: рассказать.

Показать ей сообщение. Услышать привычное: «Я же говорила», «Он не стоит твоих слёз», «Забудь».

Но я не хотела.

Не потому, что она была бы не права. Арина всегда видела людей чуть яснее меня.

Я просто была слишком уставшей, чтобы ещё раз проживать это вслух.

Если я расскажу – это станет реальнее. Громче. Больнее.

Появятся слова, оценки, решения, которые мне сейчас не под силу.

Я не хотела, чтобы Кира занимал место в разговоре с сестрой. Не сегодня. Не здесь.

Я не хотела слышать его имя в этом доме ещё раз.

Я перевернула телефон экраном вниз и отодвинула его подальше, будто прятала не устройство, а саму мысль.

«Потом», – сказала я себе. Если вообще когда-нибудь.

Сейчас мне хотелось сохранить хотя бы это – право молчать.

Я вышла в коридор почти одновременно с отцом.

Он уже стоял там, покачиваясь, с бутылкой в руке, и смотрел на меня боковым, недовольным взглядом.

– Что, сестричку, значит, встречаем, – протянул он с кривой усмешкой. – А со мной посидеть времени не нашлось.

Я ничего не ответила и посмотрела на Арину.

Она вошла, стягивая ботинки, с пакетом продуктов в руках. Лицо усталое, но спокойное – она всегда оставляла рабочие эмоции за дверью.

– Привет, – сказала она ровно. – Как день прошёл?

– Да, как всегда, – ответил отец слишком быстро. – Весело.

Ульяна показалась из зала, будто почувствовала, что что-то начинается. Она встала чуть позади отца, положив руку ему на плечо – жест собственнический, липкий.

Я подошла к Арине и взяла у неё пакет.

– Всё прекрасно, – сказала я. – У папы вечеринка, а я книжки читаю.

Я повернулась к кухне, но не успела сделать и шага.

– Ты что, самая умная тут? – резко бросил отец.

Я остановилась.

Он рассмеялся – громко, неприятно, слишком долго. Смех был пустой, злой.

Арина подняла голову.

– Пап, ты чего начинаешь? – спокойно сказала она.

Он будто её не услышал.

– Ты всю жизнь живёшь здесь за мой счёт, – продолжал он, указывая на меня бутылкой. – Моя еда, моя квартира, моя мебель. И кровать твою, между прочим, я покупал!

Я медленно повернулась к нему.

Если бы это был другой день – я бы ушла. Проглотила. Закрылась в комнате.

Но сегодня во мне уже не осталось места, куда можно было бы всё это сложить.

– Я была в больнице, – сказала я резко. – Не на курорте. Ты вообще видел меня после аварии?

Голос дрогнул, но я не отступила.

– Ты приходишь домой пьяный, с какой-то... – я махнула рукой в сторону Ульяны, – и хочешь, чтобы я делала вид, что всё нормально?

Лицо Ульяны на секунду застыло. Улыбка сползла, глаза сузились.

– Гретта, хватит, – быстро сказала Арина, вставая между нами. – Не надо.

Отец шагнул ближе.

– Я бы тоже хотела нормального отца, – продолжила я, уже не останавливаясь. – Который спросит, как я себя чувствую. Без бутылки, без телевизора, без посторонних людей!

Он резко схватил меня за челюсть, сжимая так, что слова застряли в горле.

– Ещё одно слово, – процедил он, – и ты вылетишь отсюда. Со своими книжками, телефончиками и умными мыслями. Учёбу сама себе оплачивать будешь. Поняла?

Он тряхнул меня.

– Поняла?!

Внутри что-то рвалось.

Не страх – он был где-то на поверхности. Глубже была ярость. Чистая, концентрированная, как раскалённый металл.

Я не плакала. Не просила. Не отворачивалась.

Я смотрела ему прямо в глаза.

Вот значит, как, – мелькнуло в голове. – Вот до чего ты дошёл.

Мысли путались, но тело помнило всё: все крики, все унижения, все вечера, когда я старалась быть тише, удобнее, незаметнее. Всё это сжалось в одну точку – где-то под рёбрами, где начинало жечь так, будто внутри разгорался пожар.

Мне не хватало воздуха.

Пальцы на его руке казались чужими, мерзкими, неправильными. Я хотела оттолкнуть его, ударить, закричать – но вместо этого внутри нарастало что-то иное.

Не движение. Не звук. Давление.

Как будто всё, что я держала в себе годами, искало выход.

Я почувствовала резкий укол в висках, будто кто-то ударил изнутри. Сердце колотилось так, что казалось – сейчас разорвёт грудную клетку.

И в ту же секунду над нами раздался сухой треск.

Лампочка вспыхнула ослепительно ярким светом – и взорвалась.

Осколки с грохотом посыпались вниз.

Отец резко отдернул руку и отскочил назад, будто его ударили током.

Я пошатнулась, но устояла.

В квартире повисла тишина – густая, звенящая.

Я стояла, тяжело дыша, чувствуя, как внутри всё ещё пульсирует жар. Силы ушли мгновенно, будто вместе со светом.

И всё же, одно я знала точно:

это было не просто электричество.

Я обмякла почти сразу.

Будто кто-то выдернул из меня шнур – разом, без предупреждения. Колени стали ватными, руки тяжёлыми. Всё, что только что кипело и жгло, исчезло, оставив после себя пустоту и странный холод.

Сестра взяла меня за плечи. Крепко, уверенно. Я позволила ей вести меня – сама бы не смогла. Ноги слушались плохо, голова была лёгкой, будто внутри неё стало слишком много воздуха.

Мы молча зашли в мою комнату.

Я опустилась на кровать и уставилась в стену. Даже не в конкретную точку – просто смотрела. Мысли не шли. Слова тоже. Было ощущение, что, если я сейчас открою рот, из него не выйдет ничего – ни звука, ни смысла.

Сердце всё ещё билось слишком быстро, но уже без ярости. Скорее по инерции.

– Вот урод... – прошептала Арина.

Она говорила что-то ещё. Про него. Про то, что так нельзя. Про то, что я только вернулась из больницы. Я слышала её голос, но не улавливала фраз. Они проходили мимо, не задевая.

Я всё ещё чувствовала его пальцы на своей челюсти.

Не боль – след. Давление. Унижение.

Как отпечаток, который невозможно стереть сразу.

Я медленно провела языком по зубам, проверяя, всё ли на месте. Руки лежали вдоль тела – чужие, не мои.

Я не плакала. Не злилась. Не боялась.

Мне было пусто.

Арина подошла ближе, наклонилась, будто хотела ещё что-то сказать, но остановилась. Я почувствовала, как её ладонь на секунду зависла в воздухе, а потом мягко опустилась мне на плечо.

– Я уберу стекло, – сказала она уже тише. – Ты лежи. Я зайду позже.

Я не ответила. Просто моргнула.

Дверь закрылась.

Комната наполнилась тишиной – не спокойной, а тяжелой. Такой, в которой слышно собственное дыхание и стук крови в висках.

Я закрыла глаза.

Сон навалился незаметно – мягко, но тяжело, словно кто-то накрыл меня плотным одеялом. Я была рада этому. Хотелось просто перестать чувствовать, забыть прошедший день, стереть его, как неудачную запись.

Тело меня слышало. Я уснула мгновенно – без мыслей, без снов. Или так мне казалось.

Сначала был звук. Глухой, отдалённый стук, будто кто-то осторожно проверял, дома ли я. Он повторился. Потом ещё.

Стук нарастал, становился настойчивее, громче – будто били уже не в дверь, а прямо в голову.

Я проснулась от резкого удара. Настоящего. Реального.

– Гретта! Вставай! – за дверью кричала Арина.

Я резко села. Сердце колотилось так, будто я куда-то бежала. Комната была серой, расплывчатой. Свет из окна резал глаза. Несколько секунд я просто дышала, пытаюсь понять, где нахожусь.

Телефон в руке показал 9:30.

– Чёрт...

Первая пара уже шла. А до университета – минимум тридцать минут пешком.

Я подскочила, мельком взглянула в зеркало – и тут же отвернулась. Лицо опухшее, кожа тусклая, волосы взлохмачены, будто я всю ночь ворочалась. Выглядела я так, словно болела. И, возможно, так и было.

Я выскочила в ванную, по пути врезавшись в Арину.

– Ну что, Соня, всё на свете проспала? – усмехнулась она.

Я только кивнула и захлопнула за собой дверь.

Холодная вода обожгла лицо.

Я смотрела на себя в зеркало. Отражение стало размытым – и мне стало легче.

Когда я вышла, в коридоре появился отец.

Он посмотрел на меня – и сразу же отвёл взгляд.

Ни слова. Ни упрёка. Ни привычной колкости.

От этого стало не по себе. Он чувствует вину?

В памяти вспыхнул вчерашний вечер – и где-то в затылке неприятно кольнуло. Я медленно выдохнула.

Отец прошёл мимо, глядя в пол.

Я поймала себя на том, что даже рада его молчанию.

Когда он был трезв, он всегда был таким – почти спокойным. Но стоило алкоголю появиться в его крови, и начинались претензии, обвинения, злость.

Я отогнала мысли. Этот день я не собиралась начинать с прошлого.

В комнате я распахнула шкаф. Белое дерево, аккуратно разложенные вещи.

Я подошла к окну: небо затянуто тучами, ветер треплет ветки, но дождя пока нет.

Нужно что-то тёплое.

Я выбрала персиковый свитер с высоким горлом и чёрные скинни. Простое, спокойное сочетание.

Натянув одежду, я собрала сумку – учебники, тетради, ручки. Посмотрела в зеркало ещё раз, заправила волосы за ухо.

Выгляжу так, будто мне нужен чай с мёдом и тишина.

Пальто бежевого цвета, шарф в тон – я всегда так делала. Мне нравилось, когда вещи были одного цвета, будто это хоть как-то собирало меня в целое.

– Я в универ! – крикнула я, застёгивая ботинки.

– До вечера! – донёсся голос Арины.

На улице было холодно и сыро.

Я шла быстрым шагом, почти бежала. Остановки мелькали одна за другой, люди жались под навесами, ожидая автобусов. Я слышала гудки машин, музыку из открытых окон, собственное дыхание.

Начал моросить дождь. Мелкий, противный. Волосы тут же начали виться.

Мысли путались – и всё равно снова возвращались к Кире.

Если увижу – что я сделаю?

В меня врезалась женщина – массивная, с тяжёлой сумкой.

Мы дёрнулись, зацепились. Я почувствовала резкий рывок у запястья.

Она резко отстранилась и ушла, даже не посмотрев на меня.

Я продолжила бежать.

У университета было шумно.

Голоса, смех, хлопки дверей, запах выхлопных газов – обычная суета, в которой легко раствориться. Возле крыльца стояла машина, несколько парней лениво переговаривались, кто-то курил, кто-то листал телефон.

И он. Кира.

Чёрный бомбер сидел на нём идеально, джинсы – как всегда безупречно, волосы аккуратно уложены. Он смеялся громко, уверенно, размахивая руками, будто весь этот двор принадлежал ему по праву.

Люди тянулись к нему – неосознанно, как к чему-то яркому.

Я увидела его – и внутри что-то сжалось.

Не страх. Скорее... усталость.

Хотелось пройти мимо. Сделать вид, что не заметила. Просто войти в здание и оставить его снаружи – вместе со всем прошлым.

– Гретти, малышка, – раздалось за спиной.

Голос – знакомый до отвращения. Тот самый, которым он умел быть ласковым и снисходительным одновременно.

Я остановилась. Не сразу обернулась. Сердце ударило сильнее, будто тело всё ещё помнило, как на него реагировать.

Я медленно повернулась.

Кира уже шёл ко мне, уверенно, без сомнений, с той самой улыбкой – отработанной, привычной. Не радостной. Владычествующей.

– Ты почему вчера не позвонила?

– Мне показалось, ты был занят, – ответила я спокойно.

Слишком спокойно. Даже сама это заметила.

Внутри что-то зашевелилось. Я почувствовала, как лёгкая дрожь пробежала по спине, а грудь сжалась. Хотелось оттолкнуть, убежать, спрятаться.

Но ноги стояли на месте.

Он усмехнулся, наклонив голову.

– Я тусил с друзьями. Но если бы ты набрала – я бы нашёл время.

– Почему тогда сам не позвонил? – я чуть приподняла брови. – Корона жмёт или подружка мешала?

Он замер на секунду. Удивился. Не словам – тону.

– О чём ты вообще?

Я молча достала телефон. Руки не дрожали, но в груди неприятно тянуло.

Я показала фотографию.

Кира бросил взгляд – и тут же усмехнулся.

– И что? Фото как фото. Ты не знаешь, о чём мы говорили.

– Знаю, – сказала я тихо. – Ты был с Тиной, пока я лежала в больнице. И тебе было всё равно.

Слова упали между нами тяжело. Как что-то окончательное.
Его лицо напряглось.
– Ты драматизируешь.
– Нет, Кира, – я сделала шаг ближе, чувствуя, как внутри всё дрожит, но голос остаётся ровным. – Я просто впервые смотрю на тебя без иллюзий.
Он молчал.
– Ты хотел меня как трофей, – продолжила я. – Пока я была удобной – ты играл. Получил – и потерял интерес.
Это было сказано без злости. Почти устало.
И именно это его задело.
Он резко шагнул вперёд и схватил меня – за руку выше локтя. Сильно. Пальцы вцепились так, что кожа сразу заныла.
– Не носи чушь, – процедил он.
Холод прошёл по спине.
Но вместе с ним пришло странное спокойствие.
Я посмотрела на его руку. Потом – в глаза.
Внутри что-то щёлкнуло. Тот самый холод и жар, которые раньше мешали, теперь стали знакомыми. Не боль, не страх – просто понимание.
Я видела его таким, какой он есть. Без масок, без игр.
И впервые могла решать сама.
И вдруг я поняла: мне больше не страшно.
– Убери руки.
Голос был тихим. Ровным. В нём не было просьбы – только констатация.
Он замер. Несколько секунд смотрел на меня так, будто видел впервые. Или, наоборот, наконец понял, что видит в последний раз. Потом медленно разжал пальцы.
В ту же секунду где-то рядом взвыла автомобильная сигнализация. Резко. Оглушающе. Звук рассёк воздух, как крик, который я так долго не позволяла себе издать.
– Иди к чёрту, Кира.
Я не стала ждать ответа.
Развернулась резко – будто боялась, что если задержусь хоть на миг, он скажет что-то привычно-ядовитое, и старая я дрогнет.
Шаг. Ещё шаг.
Сигнализация продолжала выть. Парни переглядывались, кто-то неловко усмехнулся, кто-то поспешно уткнулся в телефон, делая вид, что ничего не происходит.
Я чувствовала их взгляды кожей.
Но не оборачивалась. И вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь.
Едва заметно. Не от радости – от облегчения.
От того, что больше не обязана быть удобной. Терпеливой. Понимающей.
От того, что мне не нужно ничего доказывать. Ни ему. Ни себе.
Я была собой.
И с каждым шагом груз, который так долго давил на грудь, медленно растворялся – будто его никогда и не было. Лишь лёгкое покалывание под кожей напоминало: да, было больно.
Но это прошло. И не должно вернуться.
Я потеряла слишком много времени, разбираясь с Кирой, и поняла, что на пару идти уже бессмысленно.
Я опустила на холодную скамейку в коридоре напротив аудитории. Спина коснулась стены – твёрдой, реальной. За дверью глухо звучал голос преподавателя – ровный, монотонный, будто доносившийся сквозь толщу воды. Слова распадалась, смысл ускользал, и я даже не пыталась вслушиваться.

Коридор жил своей жизнью: хлопали двери, кто-то смеялся, чьи-то шаги эхом отдавались по плитке.

Я открыла сумку, нащупывая пудреницу – хотелось хотя бы привести себя в порядок, стереть следы утренней спешки.

И в этот момент взгляд зацепился за запястье. Пусто. Я замерла.

Секунду просто смотрела на руку, не сразу понимая, что именно не так. Потом сердце неприятно сжалось.

Чёрт.

Перед глазами вспыхнула утренняя сцена: толчок, тяжёлая женщина, дёрнувшая сумку... Теперь всё сложилось. Браслет. Она зацепила его и сорвала – легко, почти незаметно.

– Твою мать... – мысленно выругалась я.

Это был не просто браслет. Это был подарок Ники. Тёплый, личный, будто сразу прижившийся на моей руке. Он словно всегда там был. И теперь – пустота.

Будто с меня сорвали не украшение, а маленький кусочек спокойствия.

Я машинально сжала пальцы, потом разжала.

Мысль о том, как я буду объяснять это Нике, неприятно давила. Я боялась не её реакции – я боялась собственного чувства вины.

Может, он ещё там, – мелькнуло в голове.

Лежит на асфальте и ждёт, пока я вернусь.

День определённо начинался плохо.

Оставшееся время до конца пары я упрямо рылась в сумке, перекладывала вещи, проверяла карманы – совершенно понимая, что это бессмысленно. Просто отчаянное «а вдруг».

Дверь аудитории распахнулась, и в коридор хлынула толпа студентов. Шум резко усилился.

Я сразу почувствовала знакомый запах ванили – Ника была где-то рядом.

Она вынырнула из толпы с недовольным выражением лица: кого-то толкнули, кто-то наступил на ногу. Даже когда она злилась, это выглядело на ней почти изящно.

Сегодня на ней была тёплая клетчатая юбка тёмно-зелёного цвета, такой же жилет, белая рубашка с длинным рукавом и аккуратная брошка у воротника. Волосы – в её фирменном высоком хвосте, перевязанном белым бантиком.

Она подняла глаза, заметила меня на скамейке. Я неловко улыбнулась и махнула рукой.

Ника тут же сменила недовольство на радость, подбежала и плюхнулась рядом, легко обняв меня.

– Ну наконец моя подруга рядом, – сказала она тепло. – Мне было тоскливо всё это время.

– Я тоже рада тебя видеть, – хихикнула я. – И, представь, даже соскучилась по учёбе.

Слова прозвучали почти искренне. Почти – потому что где-то под ними всё ещё сидел плотный ком. Мысли о браслете никуда не делись, просто на время притихли.

– Слушай... тут произошла неприятная ситуация, – начала я неуверенно и запнулась, будто решала, стоит ли вообще это говорить. – Пока я бежала в универ, столкнулась с какой-то огромной тёткой. Она сорвала с меня браслет... я его потеряла.

Я показала пустое запястье и выдохнула. Жаль было по-настоящему – не вещь, а смысл, который в ней жил.

Ника посмотрела на руку – и даже не изменилась в лице.

– Какие глупости, – спокойно сказала она. – Я уж испугалась. Думала, случилось что-то серьёзное.

Она легко рассмеялась и переложила ногу на ногу, будто речь шла о потерянной резинке для волос, а не о чём-то важном.

– Конечно, обидно, – добавила она. – Но у тебя же остался мягкий защитник.

Я сразу представила плюшевого единорога, мирно лежащего у меня на кровати возле подушки.

– С Рокки всё в порядке, – улыбнулась я. – Он спит со мной. Кажется, ему комфортно.

Ника рассмеялась ещё раз и хлопнула меня по плечу – легко, по-дружески. И в этом жесте вдруг стало так много поддержки, что в груди чуть отпустило.

– Случилось ещё кое-что, – добавила я, уже тише. – Но это не так важно.

Она сразу стала серьезнее и внимательно посмотрела на меня.

– Я бросила Киру. Минут тридцать назад.

Слова прозвучали неожиданно просто. Я неловко улыбнулась и едва не рассмеялась сама – всё это почему-то казалось легче рядом с ней. Будто я делилась не катастрофой, а странной, но уже завершённой историей.

– Что?! – её глаза округлились. – Бросила этого красавчика и завидного жениха? Сумасшедшая!

Она залилась смехом, но почти сразу сменила тон:

– Господи, Гретти... что он натворил?

Я коротко рассказала про сообщение и Тину, даже попыталась пародировать её манеру говорить. Ника смеялась, качала головой.

– Ну, гадко, конечно, – подвела она итог. – Но они стоят друг друга.

Мы ещё немного посмеялись, и напряжение окончательно рассеялось.

Потом встали и пошли на следующую пару – будто ничего особенного не произошло.

Дальше день потёк почти незаметно.

Я старалась слушать преподавателя, выводила аккуратные пометки в черновике, иногда машинально подчёркивая слова, смысл которых тут же ускользал. В паузах в сознание просачивались обрывки чужих разговоров, приглушённый смех, шорох страниц. Ника сидела рядом, лениво записывая, время от времени что-то дорисовывая на полях. Обычная рутина. Почти прежняя жизнь. Почти.

Когда пары закончились, коридоры наполнились движением. Шум нарастал постепенно – голоса, шаги, хлопки дверей, смех. Всё это смешивалось в единый гул. Мы с Никой остановились у гардероба, ожидая, пока гардеробщица найдёт наши номерки.

Здесь всегда пахло одинаково: влажной шерстью, чужими духами и холодом улицы, который каждый раз врывается внутрь вместе с очередной раскрытой дверью. Этот запах был частью университета – такой же неизменной, как плитка на полу или облупившиеся перила.

Ника что-то рассказывала. Живо, увлечённо, с привычной жестикуляцией. Она пересказывала события той недели, что меня не было: кого-то отчитали в коридоре, кто-то сцепился из-за девчонки прямо между парами, один из преподавателей сорвался и выгнал половину группы с лекции. Я слушала, кивала, иногда переспрашивала – скорее из вежливости. Мысли упрямо ускользали, будто искали повод отвлечься.

И тогда я увидела его.

В толпе, между чужими плечами и спинами, Кира двигался уверенно и спокойно. Он шёл так, словно всё вокруг подстраивалось под его шаг. Не торопясь. Не оглядываясь. С той самой привычной осанкой – прямой, чуть вызывающе гордой. Лицо у него было собранным, нейтральным, почти холодным. Так идёт человек, который уверен, что ему не о чем сожалеть.

Он прошёл мимо нас.

Его взгляд даже на секунду не задержался в нашу сторону. Будто меня здесь не было.

Будто утренний разговор не существовал. Будто я была просто фоном.

Ника тут же проводила его глазами и с возмущением выдохнула:

– Он даже не посмотрел на тебя.

Я ответила спокойно. Почти равнодушно – по крайней мере, так это прозвучало:

– Я знаю почему.

И едва заметно кивнула вперёд.

Вдали, у колонны, стояла Тина. Как всегда – безупречная. Выверенная до мелочей. Прямая спина, отточенная стойка, движения – точные, уверенные. Сегодня на ней были красные классические брюки и белая рубашка. Простое сочетание, которое на ней выглядело так, будто над образом работала команда стилистов. Крупные локоны мягко спадали на плечи, и вся она казалась собранной из уверенности, как из цельного материала.

Кира подошёл к ней без колебаний.

Не остановился. Не оглянулся. Он просто наклонился – и они поцеловались.

Спокойно. Открыто. Так, будто им не нужно было ничего доказывать.

Так, будто это было правильно.

Я смотрела на них – и с удивлением поняла, что внутри ничего не рвётся.

Только тихая, ясная точка.

Как последняя строка в абзаце, после которой больше нечего добавлять.

Я отвернулась.

Молча начала надевать пальто, застёгивая пуговицы медленно, одну за другой, будто это действие могло удержать меня в равновесии. Внутри поднималось тяжёлое, вязкое чувство – не острое, не рвущее, а давящее, как низкое небо перед дождём. Оно не требовало слёз. Оно просто занимало всё пространство.

Ника заметила это сразу. Не сказала ни слова, просто встала рядом и пошла за мной к выходу. Её присутствие было тихим, осторожным – таким, каким оно становилось, когда мне было по-настоящему плохо.

Некоторое время мы шли молча.

Я чувствовала её беспокойство почти физически – в паузах, в том, как она сбивалась с шага, в том, как слишком внимательно следила за моим лицом. И первой нарушила тишину:

– Ник, ну с тобой-то я разговариваю. Что за гробовая тишина?

Она посмотрела на меня – и в её взгляде мелькнули сразу и грусть, и понимание. Без осуждения. Без жалости.

– Это жёстко... – сказала она тихо. – Он видел тебя. И специально это сделал.

– Плевать, – коротко ответила я.

Слово вышло сухим, почти пустым. Я сама услышала в нём неправду – но спорить с Никой не хотела. Я подняла взгляд на серое, низкое небо за стеклянными дверями и глубоко вдохнула холодный воздух. Он обжёг лёгкие, помогая хоть немного прийти в себя.

Ника словно уловила момент. В ней что-то щёлкнуло – едва заметно, как внутренний переключатель. Она на секунду задумалась, а потом спросила аккуратно, будто между прочим:

– Слушай... сегодня же пятница. Впереди выходные.

И девчонка с третьего курса устраивает вечеринку у себя дома. Как же её зовут... Регина. Да, точно, она.

Она смотрела на меня выжидающе. Тем самым взглядом, который невозможно было не заметить. В нём было всё сразу: забота, попытка вытащить меня из этого состояния и тихая надежда, что я соглашусь.

Регина.

Девочка с богатыми родителями – точнее, с богатым отцом и мачехой. Огромный загородный дом, ухоженный участок, высокие окна, свет и музыка до утра. Такие места словно создавались специально для того, чтобы в них теряться – и хотя бы на ночь забывать, кто ты и откуда.

Я на секунду замерла, прислушиваясь к себе. Внутри всё ещё было мутно и тяжело. Но именно поэтому хотелось выйти наружу. Сменить воздух. Шум. Мысли.

– Пойдём, – сказала я спокойно. – Мне нужно развеяться.

Я выдавила улыбку – маленькую, осторожную. И этого оказалось достаточно.

Ника ожила мгновенно. Будто напряжение, которое она держала в себе всё это время, наконец отпустило. Она закружилась на месте, не сдерживая радости:

– Ура! Вот это правильно. Чего переживать из-за этих Тин, Кирах...

Я перебила её сразу. Мягко, но твёрдо:

– Не продолжай.

Просто пойдём.

Ника тут же изобразила, как застёгивает рот на воображаемый замок, и с театральным видом выбросила ключ куда-то в сторону.

– Всё, молчу, – пообещала она. – Я напишу тебе, как точно узнаю время. Но, скорее всего, к пяти.

Она на секунду задумалась и тут же добавила:

– Кстати, возьмём моего знакомого.

Я чуть поморщилась и скептически уточнила:

– Какого ещё знакомого?

– Помнишь, когда я уходила от тебя на «светский ужин»? – оживилась Ника. – Тогда приходили друзья папы. И с ними был их сын. Алексей. Прикольный парень. И наш ровесник.

Она взяла меня под руку, и мы медленно двинулись в сторону дороги. Ей нужно было к автобусной остановке, а мне – пройти пешком, попытаться найти браслет. Наши шаги постепенно подстроились друг под друга, будто мы шли так всегда.

– Ну хорошо, – согласилась я после короткой паузы. – Берём друга.

В моём голосе было тепло. Ника всегда умела притягивать людей – открытая, лёгкая, живая. Рядом с ней всё казалось чуть проще. Почему-то долгое время исключением в этом списке была только я.

– Ну и замечательно, – пропела она. – А ещё у него есть машина, так что он нас отвезёт.

– Ну вообще супер, – рассмеялась я. – Ещё и на тачке туда приедем, как элита.

Хотя у Регины хватало друзей из самой настоящей элиты, а не псевдо, как мы. Я иногда ловила себя на мысли, что не понимаю, зачем она зовёт обычных студентов. Возможно, потому что её мир был слишком гладким, слишком предсказуемым – и в нём не хватало живых, неровных людей.

Мы попрощались у перекрёстка. Ника ушла к остановке, а я развернулась в противоположную сторону.

На улице быстро темнело. Это было плохо. Мне нужно было найти браслет, а с каждой уходящей светлой минутой шансы таяли. Я замедлила шаг, прокручивая в голове утреннюю стычку: резкий толчок, тяжёлая сумка, короткий рывок у запястья. Где именно мы столкнулись? С какой стороны она прошла? Что было вокруг?

Я остановилась и вернулась на несколько шагов назад. Потом ещё. Нашла примерное место и начала внимательно осматривать асфальт.

Ничего. Ни блеска. Ни знакомого контура.

Только тёмный, влажный асфальт и редкие окурки у бордюра.

Будто браслет просто испарился.

Или кто-то уже подобрал его – и унёс с собой, даже не подозревая, что забрал не просто украшение, а чужой маленький якорь.

Единственное, что немного утешало, – Ника не расстроилась.

Я боялась именно этого. Боялась увидеть в её глазах разочарование или обиду – будто я не уберегла что-то важное не только для себя, но и для нас. Но Ника отнеслась к потере легко, почти беззаботно, и это неожиданно сняло часть напряжения.

И всё же руке было невыносимо пусто.

Я ловила себя на том, что машинально ищу браслет – поддеваю кожу большим пальцем, будто серебро всё ещё должно быть там. Потом рука скользила к шее, и я начинала теревить цепочку, словно искала замену утраченной опоре. Но это было не то. Совсем не то.

Дорога домой тянулась тихо и монотонно. Моросил дождь, лёгкий ветер шевелил ветки, редкие прохожие спешили мимо, пряча лица под капюшонами. Город будто притих вместе со мной, оставляя пространство для мыслей и той странной, щемящей пустоты, которая осталась после браслета.

Я шла непривычно долго – словно сама дорога решила дать мне время. За последние два дня произошло слишком много, и всё это требовало осмысления, расстановки по местам, хотя бы временного внутреннего порядка.

Сцена с Кирой и Тиной всё ещё неприятно зудела где-то под кожей. Да, я сама его бросила. Да, формально он ничего мне не должен. Но поцеловать её вот так – при мне – было мерзко. Показательно. Почти демонстративно.

И всё же... он был именно таким. И я это знала.

Он просто подтвердил то, что я давно чувствовала.

Я не жалела о своём решении ни на секунду.

Дом встретил меня тишиной.

Отец и сестра ещё были на работе, и я неожиданно порадовалась этому. Перед вечеринкой у Регины мне хотелось побыть одной – в покое, без чужих взглядов, вопросов и случайных слов.

Я скинула пальто и ботинки, прошла в комнату и сразу рухнула на кровать.

Рокки смотрел на меня своими чёрными бусинками-глазами. Я прижала его к себе, зарылась лицом в мягкий плюш – и внутри стало теплее. Не зря в детстве мы засыпали с игрушками: они дарят чувство защищённости, иллюзию того, что кто-то рядом и всё будет хорошо.

На секунду я снова почувствовала себя ребёнком.

И вдруг – остро, почти физически больно – захотелось лечь на колени к маме. Просто помолчать. Не объяснять. Не быть сильной. Просто побыть маленькой.

Жаль, что у меня этого никогда не будет.

Я вздохнула и посмотрела на время. Пора было собираться.

Сев перед зеркалом, я внимательно посмотрела на своё отражение. Лицо казалось спокойным, но глаза выдавали усталость.

Может, сегодня я не буду серой мышью?

Может, позволю себе выглядеть... иначе?

Мысль о знакомстве с кем-то мелькнула – и тут же отозвалась пустотой. В глубине души я знала: я не готова. Но обида на Киру всё ещё жила во мне и тихо подталкивала к упрямству. Не из желания кого-то заменить – из желания доказать, прежде всего себе, что я могу быть другой.

Я открыла косметичку. Небогато – но достаточно.

Я выровняла тон и добавила персиковые румяна. Лёгкий румянец освежил лицо – живой, тёплый. Мне это шло. Я улыбнулась отражению, будто пробуя себя на вкус.

Акцент – на губы.

Тёмно-вишнёвая помада, которой я пользовалась всего один раз – на посвящении. Пусть будет второй. Я аккуратно обвела контур, медленно нанесла цвет, следя за каждым движением. Отражение изменилось. Стало взрослее. Собраннее. Увереннее. Ресницы – длинные от природы – я лишь слегка приподняла тушью.

– Макияж окончен, – тихо сказала я себе и задержала взгляд в зеркале.

Мне нравилось то, что я видела. И вдруг стало ясно: я ничем не хуже Тины – когда позволю себе быть такой.

Волосы я собрала в высокий хвост – почти как у Ники. Из шкатулки выбрала гвоздики с чёрными камушками. Неброско, но точно. Идеально.

– Ну прям роковая женщина, – усмехнулась я, уже в полголоса.

Чёрное платье-пиджак, когда-то отданное Ариной, сидело как влитое. Капроновые колготки – мы же на машине. Я снова плюхнулась на кровать и взяла телефон.

Сообщение от Ники пришло почти сразу:

«Вечеринка в 5. Заедем за тобой минут через 20».

Я кивнула сама себе – и вдруг вспомнила про кошку.

Милка сегодня меня не встретила. Это было странно. Обычно она появлялась сразу – тёрлась о ноги, требовала внимания, будто проверяла: я правда дома?

– Милка... – протянула я, направляясь на кухню.

Я вскрыла пакетик с кормом, выдавила его в миску – привычное движение, почти автоматическое. И только потом подняла голову.

Милка сидела на пороге кухни. Неподвижно. Будто выросла в пол.

Она смотрела на меня широко раскрытыми, настороженными глазами и не делала ни шага вперёд. Между нами словно пролегла невидимая граница – тонкая, но непреодолимая.

– Ты чего, кис? – тихо спросила я и сделала шаг к ней.

Кошка резко выгнула спину. Шерсть встала дыбом.

Она зашипела – зло, протяжно, так, как шипят не на людей, а на опасность.

Я замерла. Холодок медленно пополз вдоль позвоночника.

– Что с тобой?.. – прошептала я, не делая больше ни шага.

И в этот момент внезапно стало ясно: что-то не так.

– Ладно-ладно... – пробормотала я, отступая и осторожно обходя её стороной.

Милка проводила меня бешеным, почти чужим взглядом. В её глазах не было привычного уюта – ни тёплого признания, ни ленивого равнодушия. Только страх. И настороженность. Будто она видела во мне что-то такое, чего я сама пока не замечала.

Я вышла из кухни, ощущая неприятный холодок под кожей, словно воздух в квартире вдруг стал гуще.

Почему она так себя ведёт?

В ожидании звонка я бессмысленно пролистывала ленту. Фото Ники с семьёй, знакомые лица, чужие улыбки... и Кирилл.

Я так и не удалила его из друзей. Детский жест. Как будто кнопка «удалить» могла стереть всё, что уже случилось.

На фото он стоял среди парней с бутылкой пива в руке – расслабленный, уверенный в себе, будто ничего не произошло. Рядом была Тина. Единственная девушка в компании. Она прижималась к нему слишком естественно, слишком привычно – словно всегда там и находилась. Судя по времени публикации, они уже были на вечеринке.

Где-то под рёбрами неприятно кольнуло.

Я не хочу его видеть, – подумала я и тут же добавила, уговаривая себя: просто буду избегать. Это несложно.

Телефон зазвонил, вырывая меня из мыслей.

– Гретти, карета подана! – весело пропела Ника.

– Уже лечу, – ответила я и сама удивилась, как спокойно прозвучал мой голос. Слишком спокойно.

Я накинула пальто, взяла сумку.

У порога всё так же сидела Милка. Она не шелохнулась – только проводила меня настороженным, слишком внимательным взглядом, словно пыталась запомнить. Или – предупредить.

Мне почему-то стало не по себе.

Я захлопнула дверь и на секунду задержалась на крыльце. Холодный вечерний воздух скользнул под ворот пальто, будто отрезвляя. В окнах соседних домов уже загорались жёлтые квадраты света – чужие ужины, чужие разговоры, чужая нормальность.

У подъезда ждала белая Camry.

Ника высунулась из окна с привычной лучезарной улыбкой – той самой, от которой у людей вокруг почему-то становилось теплее. Из салона гремел драм-н-бэйс: ритм бил прямо в грудь, обещая вечер без мыслей, без пауз и без вопросов.

Я сделала шаг к машине, не зная, что именно оставляю за спиной – обычный вечер или последнюю возможность остаться в безопасности.

На водительском сиденье оказался парень с русыми волосами и спокойной, открытой улыбкой.

– Привет, я Лёша.

Голос у него был мягкий, почти домашний – неожиданно спокойный для такой громкой музыки, бьющей из колонок. Я представилась, и машина плавно тронулась с места, будто заранее знала маршрут.

Дорога быстро вывела нас к лесу. Деревья сомкнулись по обе стороны, плотные, тёмные. Фонари мелькали редкими вспышками, словно кадры старой плёнки, где не хватает света и смысла.

В груди неприятно кольнуло. Слишком знакомо.

В памяти всплыл силуэт – человек, уходящий вглубь леса после аварии. Я попыталась удержать этот образ, рассмотреть, понять, но он расплывался, стирался, ускользал, оставляя после себя только тревожную пустоту и ощущение незавершённости.

Музыка стала громче.

Ника подпевала, двигалась в такт, смеялась, иногда задевая локтем сиденье. Лёша смотрел на неё – часто, почти не скрываясь. В его взгляде было что-то тёплое, внимательное. Слишком личное, чтобы быть случайным.

Я невольно отметила это и вдруг поняла – я знала этот взгляд.

Таким когда-то смотрел на меня Кира. До всего. До обид, пауз, неловкого молчания и чужих поцелуев. Тогда, когда в его глазах ещё было чувство, а не привычка. Когда он смотрел так, будто весь мир можно было не замечать.

Лёша снова улыбнулся, поймав смех Ники, и в этой улыбке было что-то хрупкое. Бережное. Как будто он боялся спугнуть момент.

Я отвернулась к окну, позволяя лесу медленно ускользать за стеклом, и подумала: любовь всегда видно сразу. Просто не каждый умеет сохранить этот взгляд.

Дом Регины возник неожиданно – будто вырос прямо из темноты. Высокий забор, подсвеченный снизу, и вереница дорогих машин вдоль подъездной дорожки сразу дали понять: здесь не экономят ни на чём. Фары скользили по глянцевым капотам, отражаясь холодным, почти безличным блеском.

Я машинально пробежалась взглядом по номерам.

Машины Киры среди них не было – и это почему-то болезненно кольнуло, словно я ждала увидеть её вопреки всему. Я тут же отругала себя за эту мысль и глубже спрятала руки в карманы пальто, словно могла таким образом спрятать и ожидание.

Во дворе было красиво до нереальности.

Идеально подстриженный газон, аккуратные клумбы, беседка, увитая белыми тюлями, которые мягко колыхались от ветра. Над всем этим тянулась золотая гирлянда – тёплый, праздничный свет, словно обещание беззаботной ночи.

Двухэтажный дом с мансардой выглядел как открытка. Как тщательно выстроенная декорация для чьего-то идеального вечера, где всё уже заранее продумано: музыка, свет, смех и финал, который обязательно должен быть счастливым.

Дверь распахнулась – и музыка обрушилась на нас волной. Громкой, липкой, почти физически ощутимой. Бас ударил в грудь, заставив сердце сбиться с ритма, будто оно тоже попало под власть этого дома.

Регина появилась на пороге в серебристом платье, с растрёпанными волосами и сияющими глазами. Она выглядела так, словно праздник давно стал её естественным состоянием: покрасневшая, немного пьяная, счастливая. Не раздумывая, она втянула нас внутрь, как водоворот втягивает тех, кто оказался слишком близко.

Дом жил собственной жизнью.

В гостиной танцевали, не разбирая ни пространства, ни людей вокруг. Кто-то смеялся слишком громко, на грани истерики. Кто-то сидел на ступеньках лестницы с размазанной тушью и пустым, потерянным взглядом, будто праздник для него уже закончился. В воздухе смешались запахи алкоголя, сладких духов и перегретого воздуха – тяжёлая, приторная смесь, от которой слегка кружилась голова.

Я инстинктивно прижалась к Нике, словно искала в ней точку опоры в этом шумном хаосе.

– Такое чувство, что веселье тут давно, – прошептала я ей на ухо.

– Может, нас просто позвали позже, – ответила она, оглядываясь с живым интересом, будто старалась впитать всё сразу и ничего не упустить.

Я кивнула. Я никого не высматривала в толпе. Особенно – Кирилла.

И всё же где-то внутри жило странное, неприятное чувство, будто этот вечер ещё скажет своё слово. И не обязательно доброе.

Регина обернулась, коротко махнула рукой в сторону стола с напитками – мол, там всё, что душе угодно, – и тут же упорхнула дальше, растворившись в шуме и огнях, как хозяйка бала, которой некогда задерживаться на одном месте.

Алексей сразу оживился, уверенно направился к столу и, обернувшись к нам через плечо, весело спросил:

– Дамы, выпивать будем?

В его голосе не было ни капли сомнения – только лёгкость и азарт.

Ника даже не задумалась.

– Конечно, – ответила она мгновенно, – особенно моей подруге сейчас нужна разрядка.

Она смешно поморщила нос – так, как делала всегда, когда подшучивала надо мной, – и, не давая мне времени возразить, крепко взяла меня за руку и уверенно потянула к столу с алкоголем.

К выпивке я относилась спокойно. С Кирой мы иногда пили – чаще всего пару бутылок пива, ничего серьёзного. И это всегда казалось мне странным: при таком отце алкоголь должен был вызывать отвращение, почти физическое. Но нет. Ни злости, ни брезгливости. Только ровная нейтральность. Ещё одно напоминание о том, что моя жизнь давно не укладывается в ожидаемые схемы и правильные реакции.

Мы взяли по стаканчику.

Ника даже не колебалась – взмахнула рукой и осушила свой залпом.

– Поехали! – крикнула она, перекрывая музыку.

Пустой стаканчик с глухим стуком лёг на стол. Она демонстративно показала его Алексею.

Он вскинул брови и расхохотался.

– А ты, оказывается, оторва.

Ника ответила обезоруживающей улыбкой:

– Только сегодня.

Он протянул ей ещё один стакан, и теперь она пила уже не спеша – по глоточку, смакуя вечер, будто пробовала его на вкус.

Иногда она была именно такой. На посвящении я увидела её впервые в этом состоянии – живую, свободную, словно умеющую одним движением оставлять все тревоги за порогом. Её ничего не тяготило, ничего не держало. Хорошее качество. Я бы тоже хотела так уметь.

Я сделала глоток – и сразу поняла: виски с колой. Причём колы здесь было преступно мало. Горечь обожгла язык, я непроизвольно поморщилась, но всё равно отпила ещё. Нужно было расслабиться. Я чувствовала, как внутри всё остаётся сжатым, настороженным, будто я всё ещё стою на границе и не решаюсь шагнуть в этот вечер полностью.

Ника уже танцевала рядом, ловя ритм телом.

– Греттии, двигаемся, двигаемся! – тянула она, активно двигая бёдрами в такт музыке.

Я едва успела улыбнуться, как рядом появился парень в рубашке и очках в тёмной оправе.

– Простите, дамы, я вас немного пододвину, – вежливо сказал он и, аккуратно протиснувшись, между нами, взял стаканчик со стола.

Ника уже всю отплясывала вокруг Алексея. Она тянула его за руки, смеялась, подпрыгивала, пыталась втянуть в свой вихрь танца. Он почти не двигался, только улыбался – широко, спокойно, словно наблюдал за маленьким фейерверком удовольствия. Между ними искрило что-то невидимое, напряжённое, но при этом лёгкое и свободное – не нужно было слов. Всё читалось в паузах, взглядах, в том, как они двигались рядом.

Я вдруг ощутила острую нехватку воздуха. Мне нужно было пространство.

Я решила пройтись по дому. Просто посмотреть – где живёт Регина, как вообще устроены такие дома, как живут люди, для которых роскошь и шум – это норма.

Я шла медленно, стаканчик в руке, делая маленькие глотки. Алкоголь уже мягко растекался по телу – не огнём, а уютным теплом, обволакивая плечи и шею. В некоторых местах приходилось буквально протискиваться между группками людей: смех, громкие разговоры, чьи-то руки, едва касавшиеся моей. Всё это ощущалось одновременно и чужим, и слишком интимным.

Я шла по коридору и разглядывала картины на бежевых стенах – незнакомые, современные художники. На некоторых была непонятная мазня, бессмысленные формы и цвета. Современное искусство, которое я так и не научилась понимать, и которое в этот момент словно отражало моё ощущение – растерянность, чуждость, бессмысленность.

Стакан почти опустел.

Я почувствовала, как тепло усилилось, и на секунду закрыла глаза, прислонившись к стене. Кажется, я зря сюда пришла. Всё вокруг было слишком чужим, слишком громким. Я казалась лишним элементом в чужой картине, заметным и неуместным одновременно.

И тут кто-то резко задел меня плечом.

Я открыла глаза. Боже. Тина. И её подруги.

– Привет, – выдавила я ровным голосом.

Она стояла передо мной с привычной кривой, но безупречно уверенной улыбкой. Белое платье с глубоким декольте, крупные локоны, каждая деталь отточена до идеала. Подруги рядом – с явным ехидством, смех едва заметный, но я почувствовала его колкость.

Внутри что-то сжалось – смесь раздражения, усталости и той старой горечи, что всплыла при виде Тины. Я быстро отступила шаг назад, опираясь на стену, стараясь не показывать, как сильно этот момент задел меня. Но сердце всё равно стучало чаще, а взгляд цеплялся за каждый её жест, каждую деталь образа.

– А ты что тут делаешь, малышка Гретти? – спросила она с наигранным любопытством, словно играя в куклу, а я – марионетку, которой можно тыкать и ронять.

– То же, что и ты, – ответила я ровно, отвела взгляд. Сердце уже колотилось, но голос оставался холодным, почти монотонным.

– С горя пьёшь? – усмехнулась она, с лёгкой ехидцей в глазах.

Я закатила глаза. Всё вокруг будто замедлилось: музыка, смех, свет гирлянд – всё растворялось в фоне. Она пыталась провоцировать, а я стояла, как будто внутри меня плескалась вода: раздражение и усталость, смешанные с равнодушием.

– Ты уже говори прямо. Что я бедняжка, что пока я лежала в больнице, мой парень развлекался с тобой... бла-бла-бла. Неинтересно.

Голос был ровный, почти тихий, но каждое слово булькало тяжёлым, твёрдым металлом внутри.

Лицо Тины изменилось – холоднее, серьёзнее. Подруги всё так же ухмылялись, переглядываясь за её спиной, будто наблюдали, как я должна «сломаться».

– Да... всё верно, – холодно сказала она, и воздух вокруг будто стал плотнее, сдавливая грудь.

Я почувствовала её давление – наглое, самодовольное, но меня это не задело. Почти. Пока она не пошла дальше.

– Ты и вправду бедняжка. Не везёт тебе в жизни. Мама бросила тебя, увидев, кто у неё родился. А отец начал пить, когда понял, что у него непутёвая дочурка.

Я ощутила, как что-то внутри рвётся. Не страх. Я знала, что могу постоять за себя. Но боль ударила в самое сердце. Она тронула моих родных – тех, кто был моим миром.

Но ещё хуже было то, что она говорила вещи, которые не могла знать...

...и знала только одна сторона. Кира.

Внутри меня что-то резко вскипело – кровь забурилась, в ушах зашумело, сердце забилося, будто хотело вырваться наружу. Я почувствовала, как весь вечер, весь этот шум, весь хаос сжимается в одну точку – прямо под рёбрами, готовую взорваться.

И в этот момент в нашу компанию влетел Кира. Растрёпанный, с каплями пота на лбу, разгорячённый вечеринкой, улыбающийся... И вдруг застыл, увидев меня.

– Гретт... Тина... а вы что тут, девчонки?

Он выглядел растерянным, словно оказался в ловушке неожиданной правды. Его взгляд метался, между нами, но особенно зацепился за меня. И впервые за долгое время я почувствовала, что моя реакция – это уже не страх. Это спокойная готовность встретить любой выпад.

Тина на мгновение замерла. Подруги тоже. Музыка, смех, свет – всё будто отступило на задний план.

Мой взгляд мгновенно прожёг его.

– Думаешь, ты имеешь право рассказывать какой-то дуре о моей семье?

Слова рвались из груди с громким, глухим гулом. Злость звенела в висках, но я держала её под контролем – почти.

– Ты и вправду редкий мудака.

Я ткнула пальцем в его грудь, развернулась, собираясь уйти.

И тут чьи-то ногти вонзились мне в волосы, резко дернув назад. Мир на секунду перевернулся. В ушах зазвенело, перед глазами вспыхнули белые точки.

– Ты кого душой назвала, мышка? – прошипела Тина, словно я была игрушкой, которую можно раздавить.

Она развернула меня к себе, не ослабляя хватки. Пальцы жгли кожу головы, тянули волосы так, что казалось, будто вырывают из моего тела саму уверенность. Тупая боль подзатылком мигнула острым пламенем – старая рана, едва зажившая, снова ожила, будто кто-то ковырялся раскалённым железом.

– Отпусти... бешеная, – сквозь зубы сказала я.

Каждое слово отзывалось эхом в черепе, пульсируя болью. Всё вокруг замедлилось. Толпа, музыка, смех – растворились.

– А то, что, Гретти? – Тина наклонилась почти вплотную. Я чувствовала её духи, алкоголь, уверенность, и это ощущение будто давило сверху, сжимало грудь. – Врежешь мне, мышка?

Внутри что-то щёлкнуло.

– Тина,пусти, – резко прорезался голос Киры. – Она после травмы.

Её взгляд скользнул на него. На секунду мелькнуло раздражение, потом – злость, хищная и холодная. Тина цокнула языком, почти удовлетворённо.

– Защитник? – усмехнулась она. – Ты же сам говорил, что она скучная и из неблагополучной семьи. Что хотел развести её на секс – и не более.

Слова ударили точно, больно, как стальной клинок.

– Прекрати, – твёрдо сказал он.

Но было уже поздно.

Во мне что-то сорвалось. Гнев поднялся мгновенно – горячий, ослепляющий, как вспышка молнии. Он прошёл по телу волной, выжигая пустоту, которая накапливалась годами.

И на мгновение я почувствовала, что могу выдержать всё – любое давление, любое унижение. Сила была во мне, живой, болезненной и настоящей.

Толпа вокруг растворилась, музыка стала лишь фоном, и всё свелось к этому – к напряжению между мной, Кирой и Тиной.

Злость прорвалась, заставляя дрожать руки и сжимать челюсть.

– Отстаньте от меня уже оба! – выкрикнула я, не узнавая собственный голос. – Мне плевать на вас и ваши грязные языки!

Толпа ахнула. Кто-то отшатнулся, кто-то обернулся, словно ожидая, что сейчас произойдёт что-то страшное.

Через поток людей прорвались Ника и Алексей. Лица у них были напряжённые, встревоженные.

Ника мгновенно вцепилась в руку Тины, пытаясь вырвать её от моей головы.

– Ты что, совсем дура?! – кричала она, хватаясь за меня. – У неё рана ещё не зажила!

– А ты не вмешивайся, солнечная, – холодно бросила Тина. – Твоя подружка сама во всём виновата.

Воздух вокруг стал вязким, плотным, почти горящим. Я чувствовала, как ненависть пульсирует в висках и разливается по венам, будто каждое мгновение заставляет моё сердце биться сильнее. Я подняла глаза и впилась взглядом в Тину.

– Чего твоя подружка так смотрит? – усмехнулась она, вызывая. – Как бешеная.

Я не моргала. Я ненавидела её всем телом, всем существом. Каждая клетка кричала: «Хватит!».

И вдруг я заметила – тонкая струйка крови медленно скользит у неё из носа.

Тина мгновенно это почувствовала. Она машинально провела пальцем, посмотрела на кровь и на секунду замерла. Её уверенная ухмылка исчезла. Она резко отпустила мои волосы.

– Чёрт... – пробормотала она, будто сама была удивлена происходящим.

Кира тоже заметил кровь. Его взгляд стал быстрым и сосредоточенным.

– Пойдём, – сказал он твёрдо. – Я отведу тебя в ванну.

Тина бросила на меня колючий, ледяной взгляд – словно обвиняя меня в том, что это произошло – и последовала за ним.

Ника тут же обняла меня, прижимая к себе, шепча что-то быстро, дрожащим голосом. Говорила, что я её напугала, что теперь не должна отходить ни на шаг.

Я почти не слышала слов.

Я стояла в оцепенении, ощущая только одно: кровь. Она медленно текла, горячая и чуждая, но реальная. И в этот момент я поняла – всё, что произошло, было настоящим.

Может, она перепила. Может, давление. Но всё внутри кричало: это не случайность.

Хлопнула входная дверь – в дом зашли новые гости. Музыка снова накрыла всё пространство волной. Ника приглаживала мне волосы, Алексей сутился рядом, спрашивая, чем может помочь.

И вдруг – жжение. Сильное. Настойчивое. В самом затылке.

Будто кто-то смотрел на меня так, что прожигал насквозь. Каждый волосок на шее стал чувствовать прикосновение невидимой руки. Давление усилилось, стало почти невыносимым.

Я обернулась.

У двери стоял мужчина. Лет двадцати пяти. Светлые волосы аккуратно уложены, глаза спокойные, но внимательные, будто видели всё насквозь. В уголке губ – едва заметная улыбка, лёгкая, почти невесомая. Мне стало не по себе.

Казалось, он касался меня этим взглядом – глубоко, изнутри, до самых мыслей, до того места, где прячется тревога и прошлое.

– Гретт! Ты вообще меня слышишь?! – Ника резко взяла меня за лицо.

Я вздрогнула.

– Да... всё в порядке. «Я в порядке», — сказала я слишком быстро, почти раздражённо.

Она выдохнула, плечи опустились.

– Ты как будто смерть увидела...

Я снова посмотрела на дверь.

Никого. Он исчез. Но внутри осталось странное ощущение – будто между нами произошло что-то, что невозможно объяснить словами. Жжение в затылке медленно стихло, оставляя после себя лёгкую дрожь и странное тепло.

Ника повела меня в ванную. По дороге мы столкнулись с Кирой и Тиной.

Тина бросила на меня колкий взгляд – и промолчала. Её уверенность вдруг стала зыбкой, как отражение в воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.